

ТОМ ХЭНКС

УНИКАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Истории о том о сём

Азбука-бестселлер

Том Хэнкс

**Уникальный экземпляр:
Истории о том о сём**

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хэнкс Т.

Уникальный экземпляр: Истории о том о сём / Т. Хэнкс — «Азбука-Аттикус», 2017 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-14186-5

Впервые на русском – семнадцать историй, доказывающих, что двукратный лауреат «Оскара» Том Хэнкс не менее талантлив и как писатель. «Мистер Хэнкс оказался настоящим писателем с большой буквы „П“, – рекомендует Стивен Фрай. – Одни рассказы в этой книге заставят вас хохотать в голос, другие – растрогают до слез». Герои Хэнкса отправляются на Луну в самодельной ракете, застревают в Париже во время промотура блокбастера «Кассандра Рэмпарт III: Страх на пороге», раз за разом возвращаются в один и тот же день «Мира будущего» на нью-йоркской Всемирной выставке 1939 года, предпочитают компьютеру винтажную пишущую машинку... «За два года я снимался в Нью-Йорке, Берлине, Атланте, Будапеште и других городах. Все это время я писал, – рассказывал сам Хэнкс. – Я работал в пресс-турах, в отелях, в самолетах, дома, даже в отпуске. Когда позволял график, я писал с утра и до часу ночи – на разных пишущих машинках из моей коллекции».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14186-5

© Хэнкс Т., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Изнурительные три недели	8
Сочельник 1953-го	25
Промотур в Городе Света	37
Добро пожаловать на Марс	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55
Комментарии	

Том Хэнкс

Уникальный экземпляр:

Истории о том о сём

Tom Hanks

UNCOMMON TYPE: Some Stories

Copyright © 2017 by Clavius Base, Inc.

All rights reserved

© Е. Петрова, перевод, примечания, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

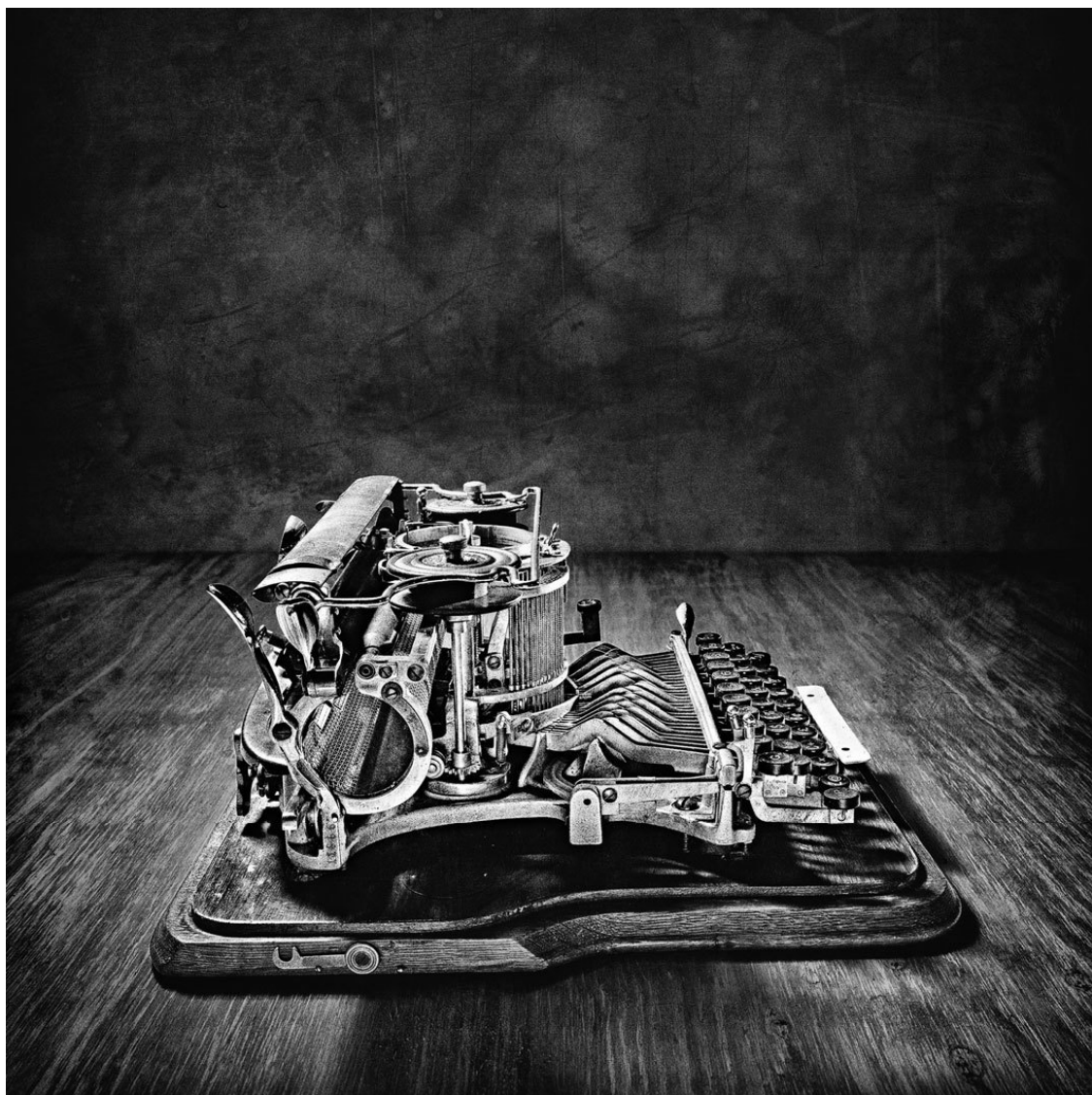
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Рите и всем детям.

Из-за Норы

Изнурительные три недели

День 1-й

Анна сказала, что единственное место, где можно выбрать для Эм-Дэша подарок со смыслом, – это «Антикварный рай», не столько кладовая сокровищ, сколько постоянно действующая барахолка в бывшем кинотеатре «Люкс». До появления кабельного ТВ, «Нет-фликса», а также сотни с лишним торгово-развлекательных центров, из-за которых обанкротился «Люкс», я частенько захаживал в это некогда великолепное здание посмотреть новый фильм. Теперь там рядами тянутся прилавки, с которых продают псевдоантиквариат.

Наш М. Д. готовился к получению американского гражданства; это событие обещало стать знаковым и для него, и для нас. У Стива Вонга бабушка с дедом натурализовались в сороковые годы. Мой отец в семидесятых бежал из Восточной Европы, от зарвавшегося коммунистического режима, а предки Анны в свое время на драккаре пересекли Северную Атлантику, чтобы в Новом Свете поразвлечься грабежом и разбоем. Согласно семейному преданию, именно они первыми ступили на остров Мартас-Винъярд^[1].

Мохаммед Даякс-Абдо, по прозвищу Эм-Дэш, готовился к превращению в стопроцентного американца, и по такому случаю мы решили подарить ему что-нибудь винтажнo-патриотическое, связанное с наследием и духом его новой родины. Во втором торговом зале мне приглянулась детская ручная тележка фирмы «Радио-флаер»^[2] – идеальная, с моей точки зрения, штука.

– Эту тележку, – сказал я ребятам, – он сможет передать своим американским детям.

Но Анна не захотела покупать первый попавшийся предмет старины. Пошли мы дальше. Я приобрел американский флаг сороковых годов – на нем было всего сорок восемь звезд. Флаг этот должен был напоминать Эм-Дэшу, что принявшая его страна не останавливается в своем развитии, что каждому честному гражданину найдется место на ее благодатных землях, как новым звездам находится место на синем поле в обрамлении красных и белых полос. Анна мою покупку одобрила, но сама продолжала высматривать что-нибудь особенное. Ей хотелось найти нечто уникальное, единственное в своем роде. По прошествии трех часов она согласилась, что детская тележка «Радио-флаер» – неплохой, в сущности, вариант.

Когда я выруливал с парковки на своем микроавтобусе «фольксваген», зарядил дождь. До моего дома мы тащились еле-еле, потому что старые «дворники» оставляли потеки на лобовом стекле. Ненастье бушевало до вечера, и Анна зависла у меня, слушая древние маминьы кассетные сборники (которые я давно перегазил на диски) и в промежутках между *Pretenders*, *O'Jays* и Тадж-Махалом^[3] потешаясь над эклектичными вкусами моей мамы.

– А у тебя есть хоть какая-нибудь музыка последнего десятилетия? – спросила Анна, когда Игги Поп запел «Real Wild Child»^[4].

Я приготовил буррито со свининой^[5]. Анна пила вино. Я пил пиво. Не сводя глаз с моей малогабаритной печурки, Анна приговаривала, что именно так ощущали себя первые колонисты в прериях. За окном совсем стемнело, а мы сидели на диване, и единственными источниками света были язычки пламени да индикаторы звукового сигнала моей стереосистемы: то зеленые, то оранжевые, изредка красные. Сквозь ливень полыхали далекие зарницы.

– А знаешь что? – обратилась ко мне Анна. – Сегодня воскресенье.

¹ «В натуре дикая детка» (англ.).

– Знаю, – ответил я, – естественно. Я живу сегодняшним днем.

– Я тобой восхищаюсь. В тебе есть ум. Заботливость. Непринужденность, граничащая с расхлябанностью.

– Похвалила, нечего сказать.

– Заменим «расхлябанность» на «вальяжность», – сказала она, потягивая вино. – Короче, ты мне нравишься.

– И ты мне. – Тут я подумал, что такой разговор может завести куда угодно. – Ты со мной флиртуешь?

– Вовсе нет, – ответила Анна, – я делаю тебе предложение. Почувствуй разницу. Флиртовать – это все равно что забрасывать удочку. То ли клонет, то ли нет. А предложение – это первый шаг к заключению сделки.

Чтобы вы понимали: мы с Анной знакомы со школьной скамьи. (Да здравствует День святого Антония! Вперед, «Крестоносцы»!) Любовь никогда не крутили, но принадлежали к одной тусовке и относились друг к другу с симпатией. Несколько лет я учился в колледже, еще несколько лет ухаживал за больной матерью, затем получил лицензию и какое-то время изображал из себя агента по недвижимости. В один прекрасный день Анна пришла ко мне в офис, чтобы подыскать офис для себя, – она собиралась открыть бюро по дизайну интерьеров, а я оказался единственным агентом, кому она доверяла, поскольку в свое время у меня были отношения с ее подружкой и, когда мы разбежались, я не сказал о той девушке ни одного худого слова.

Анна не утратила своей привлекательности. Вся тонкая, крепкая, как канат, – такими бывают триатлонистки, а она, кстати сказать, и занималась в юности триатлоном. Так вот, я целый день показывал ей имевшиеся на тот момент офисные помещения, но ни одно, по непонятным для меня причинам, ее не устроило. В ней – совсем как в школьные годы – чувствовались целеустремленность и сосредоточенная въедливость. Анна не упускала ни одной мелочи, совала свой нос в каждый угол, что-то высматривала, делала записи, указывала, где требуется заменить фурнитуру. Повзрослевшая Анна меня напрягала. Повзрослевшая Анна меня не привлекала, равно как и Анна в юности.

Занятно, что при этом мы с нею теперь – не разлей вода, намного ближе, чем в юные годы. Я – этакий увалень-одиночка: могу сутки напролет бить баклуши и потом не пожалеть ни об одной потраченной впустую секунде. Да что там говорить: продал мамин дом и выгодно разместив денежные средства, я вообще отказался от своего офиса, служившего мне только для видимости, и выбрал для себя Наилучший Образ Жизни. Если у меня скапливается несколько загрузок белья, а по телевизору показывают хоккей, приятный вечерок мне обеспечен. Пока я, не суетясь, сортирую белое и цветное, Анна декорирует свою мансарду сухой штукатуркой, разбирается с налогами, готовит домашнюю пасту по собственному рецепту и создает онлайн-магазин для торговли подержанной одеждой. Спит она урывками, от полуночи до рассвета, и с самого утра пашет на всю катушку. А я, к примеру, сплю, покуда спится, и хоть трава не расти, да еще каждый день ровно в 14:30 должен часок подремать.

– Я сейчас тебя поцелую, – объявила Анна.

Сказано – сделано.

Раньше между нами ничего не было: ну, могли при встрече коротко обняться и чмокнуть друг друга в щечку. Но в тот вечер она предлагала мне новую версию себя, и от растерянности я оцепенел.

– Ну-ка, расслабься, – зашептала она и обняла меня за шею; от Анны чертовски приятно пахло, а на губах оставался привкус вина. – Сегодня ведь Шаббат. День отдохновения. Мы трудиться не собираемся.

Последовал еще один поцелуй, но на этот раз я уже стряхнул оцепенение и проявил кое-какую инициативу. Мои руки сами собой обхватили ее за талию и крепко прижали. Прильнув друг к другу, мы слегка размялись. Каждый нашел губами шею другого, а потом и рот. От таких поцелуев я уж год как отвык – с тех самых пор, когда роковая подруга Мона не просто меня бортанула, но еще и прихватила всю наличность из моего бумажника. (Мона была с гнильцой. Но целовалась сказочно.)

– Браво, котик, – выдохнула Анна.

– Шаббат шалом, – выдохнул я в ответ. – Столько лет потеряли.

– Думаю, нам пора стать ближе, – прошептала Анна. – Раздевайся.

Так я и сделал. А когда она и сама осталась без одежды, я погиб.

День 2-й

В понедельник мой завтрак состоял из гречневых блинчиков, сыровяленой колбасы чоризо, большой миски ягод и *свежесваренного* кофе. Анна откопала у меня в кладовке травяной чай, съела крошечное блюдечко орехов, предварительно измельченных кухонным топориком, и по счету добавила к своему питательному завтраку девять черничин. У меня язык не поворачивается сказать, что у нас был голый завтрак^[6], – оставим это для каких-нибудь нудистов, – но по факту мы выбрались из постели без малейшего смущения.

Одеваясь перед уходом на работу, Анна сообщила, что мы должны записаться на курсы дайвинга.

– Это обязательно? – переспросил я.

– Конечно. И получить сертификаты, – ответила она. – Кроме того, тебе понадобится спортивный костюм. Кроссовки для бега, кенгурушки. Пройдись по «Футлокеру»^[7] в торговом центре «Арден». И бегом ко мне в офис – пообедаем вместе. Захвати с собой тележку и флаг для Эм-Дэша – я их упакую.

– Заметано, – сказал я.

– Ужинаем сегодня у меня дома, посмотрим какой-нибудь документальный фильм, а потом – как вчера, только в моей постели, а не в твоей.

– Заметано, – повторил я.

День 3-й

В конце концов Анна сама затащила меня в «Футлокер», где вынудила перемерить пять пар обуви (мы остановились на кроссовках для бега по пересеченной местности) и четыре найковских спортивных костюма – штаны с кенгурушкой. Покончив с делами, мы накупили еды и напитков для чествования Эм-Дэша, которое, по мысли Анны, следовало организовать у меня.

Около полудня Эм-Дэш стоял на поле «Спортивной арены» в числе 1600 без пяти минут американцев и, подняв правую руку, присягал на верность Америке: новоиспеченным гражданам предстояло уважать, отстаивать и защищать Конституцию, которой они теперь подчинялись в той же мере, что и президент Соединенных Штатов. Стив Вонг, Анна и я сидели на трибуне, наблюдая, как проходит натурализация моря иммигрантов всех цветов кожи, коими богат род человеческий. Зрелище было неопишемое, и нас, всех троих, захлестнули эмоции – в особенности Анну. Та расплакалась, зарывшись лицом мне в грудь.

– До чего же... до чего... красиво, – всхлипывала она.

Отпросившиеся с работы парни из магазина стройтоваров «Хоум депо», где трудится Эм-Дэш, завалились ко мне домой с кучей американских флагов, купленных со скидкой

по карте персонала. Стив Вонг запустил караоке, и мы уговорили Эм-Дэша пропеть все песни, где упомянуты американцы. «American Woman»^{2[8]}. «American Girl»^{3[9]}. Потом «Spirit of America»⁴ от *Beach Boys* (это на самом деле про автомобиль, но Эм-Дэша мы все равно дожали). В детскую тележку «Радио-флаер» загрузили лед и вшестером воткнули туда американский флаг, как морские пехотинцы в песках Иводзимы^{1[10]}. Роль первого плана отвели Эм-Дэшу.

Веселье затянулось; когда в небе взошла луна, мы, оставшись уже вчетвером, слушали, как полощется и хлопает на ветру наш звездно-полосатый. Стоило мне откупорить очередную банку, извлеченную из тележки со льдом, как Анна выхватила пиво у меня из рук.

– Притормози, котик, – велела она. – Когда эти двое разойдутся по домам, ты должен быть в хорошей физической кондиции.

Стив Вонг и Эм-Дэш засобирались на выход только через час. Новоявленный гражданин Америки распевал «A Horse With No Name»⁵ (команды *America*). Когда машина Стива скрылась за поворотом, Анна взяла меня за руку и повела на задний двор. Там она бросила на мягкую траву несколько подушек, мы легли, начали целоваться, а потом... ну, сами понимаете... проверили мою физическую кондицию.

День 4-й

Анна, которая бегаёт трусцой, когда появляется возможность уложить несколько миль в сорок минут, вознамерилась навязать эту привычку и мне. Потасила меня на один из своих маршрутов – по спирали в гору Виста-пойнт и обратно. Давай, говорит. И рванула вперед, чтобы потом дожидаться внизу, зная, что мне с ней никогда не сравняться.

Я занимаюсь спортом исключительно по настроению. Изредка сажусь на старый трехскоростной велик, чтобы сгонять в «Старбакс», могу покидать летающую тарелку (было дело, входил даже в некую фрисби-лигу). Сегодня утром – Анны уже и след простыл – пыхчу я на грунтовой тропе, а новые кроссовки нещадно жмут (это мне урок: брать нужно на полразмера больше). Кровь циркулирует как бешеная, шея и плечи затекли, в висках стучит. Анна уже несется вниз с Виста-пойнт и на бегу аплодирует:

– Браво! Для первого раза неплохо.

Я развернулся – и за ней.

– У меня бедра горят, как в огне!

– Они бунтуют, – объяснила Анна. – Со временем покорятся.

Пока я мылся в душе, Анна провела реорганизацию у меня в кухне. Оказывается, кастрюли и крышки хранились не на тех полках, а ящик для столовых приборов был в самой дальней тумбе; почему не ближе к раковине? Я затруднился с ответом.

– Собирайся. На дайвинг опаздывать нельзя.

В школе подводного плавания пахло резиновыми гидрокостюмами и хлоркой. Заполнив необходимые бланки, мы получили учебные пособия, а также листки с расписанием теоретических занятий и возможными датами итогового заплыва в открытом море. Анна записала нас на воскресенье, до которого оставалось четыре недели, и забронировала места на катере.

Пообедали мы в салат-баре «Вива верде», где нам подали салаты, приготовленные из всевозможной салатной зелени и украшенные листьями салата; после обеда мне захотелось

² «Американская женщина» (англ.).

³ «Американская девушка» (англ.).

⁴ «Дух Америки» (англ.).

⁵ «Безымянная лошадь» (англ.).

пойти домой и прикорнуть. Но Анна сказала, что ей требуется моя помощь в давно намеченной перестановке мебели. Это была даже не полуправда, а, считай, ложь. В действительности Анна запланировала косметический ремонт коридора и домашнего кабинета, а значит, мне предстояло куда-то перетаскивать ее компьютер, принтер, сканеры и все оборудование для графического дизайна, а потом до темноты быть у нее на побегушках.

В тот вечер мне не суждено было добраться до дому. После ужина (овощная лазанья с гарниром из овощей) мы сели смотреть по кабелю фильм о шикарных женщинах с дебильными любовниками.

– Ну надо же, котик, – сказала Анна. – Прямо как мы с тобой, один в один!

Она захихикала и, не дожидаясь поцелуев, полезла ко мне в штаны. Либо я оказался редкостным везунчиком, либо меня здесь считали полным идиотом. Точного ответа я так и не узнал, даже когда Анна тоже разрешила мне залезть ей в трусики.

День 5-й

Анне пришлось ехать в офис. У нее в подчинении – четыре суровые женщины и девочка-практикантка, трудновоспитуемая старшеклассница. В прошлом году Анна подписала с одним издательством договор на оформление учебной литературы – это стабильный доход, но скука смертная, хуже косметического ремонта. Я сказал, что пойду домой.

– Зачем? – удивилась она. – У тебя же нет никаких дел.

– Хочу выйти на пробежку, – сорвалось у меня с языка.

– Браво, – сказала мне Анна.

Пришел я домой и действительно надел кроссовки, а потом стал бегать вокруг квартала. Мистер Мур, отставной коп, чей дом отделен забором от моего заднего двора, увидел, как я пробегаю мимо, и гаркнул:

– Ишь как тебя жизнь затрахала!

– Не жизнь, а девушка! – прокричал я в ответ, и это была чистая правда, от которой у меня даже поднялось настроение.

Когда мужчина размышляет о даме сердца и предвкушает, как будет описывать ей сорокаминутную пробежку, это, знаешь ли, напарник, свидетельствует, что он ступил на Территорию Возлюбленной.

Да. У меня появилась возлюбленная. Под влиянием своей возлюбленной мужчина меняется от кроссовок до кончиков волос (Анна позаботилась и об этом, когда при мне сделала внушение моему парикмахеру), и перемены пошли мне на пользу. Одурманенный адреналином романтики, я пробежал дальше, чем разрешал мой организм.

Анна позвонила как раз в тот момент, когда я поставил крест на своей сиесте из-за того, что сведенные судорогой икры сделались твердыми, как пивные банки. Она порекомендовала иглоукалывание и велела мне срочно ехать к ее специалисту, с которым она сейчас договорится о внеочередном приеме.

Медицинский центр «Оазис „Велнес“»^[11] в Ист-Вэлли расположен в строении, которое представляет собой мини-молл пополам с офисным зданием, а еще там есть подземная стоянка. Спуск под землю по бесконечному круговому пандусу на моем микроавтобусе «фольксваген», у которого отсутствует гидроусилитель руля, потребовал определенных физических усилий. А хитросплетение лифтов и вообще оказалось выше моего понимания. В конце концов я каким-то чудом отыскал офис 606 в западном крыле и, присев у фонтана, который шумел не столько каскадами струй, сколько электрическим насосом, заполнил велнесовскую анкету на пяти страницах.

Принимаете ли Вы практику визуализации? Конечно, отчего же не принять. Открыты ли Вы для медитации с инструктором? Вреда особого не вижу. Объясните, почему Вы

обратились за лечением. Укажите, пожалуйста, конкретные причины. Подруга велела мне тащить сюда мои усталые, мои бедные, мои забитые икроножные мышцы^[12], жаждущие расслабления.

Сдав анкету, я приготовился ждать. В конце концов субъект в белом халате выкликнул мою фамилию и провел меня в процедурный кабинет. Пока я раздевался до трусов, он читал мою писанину.

– Анна говорит, вас ноги беспокоят. Это так? – спросил он.

Здоровьем Анны он занимался ни много ни мало три года.

– Ага, – подтвердил я. – У меня икры бунтуют и другие мышцы тоже.

– Судя по этому документу, – он постучал пальцем по моей анкете, – Анна ваша подруга.

– С недавних пор, – ответил я.

– Удачи вам. Ложитесь на живот.

Когда он принялся вгонять в меня иголки, по телу пробежала дрожь, а икры непроизвольно задергались. Перед тем как выйти из кабинета, эскулап врубил старый, но мощный проигрыватель компакт-дисков для моей медитации с инструктором. Женский голос приказал мне очистить сознание и представить себе реку. Битых полчаса я с грехом пополам пытался включить воображение, борясь со сном, но поспать все равно не было никакой возможности, потому что из меня торчали иголки.

Приготовив ужин из листовых овощей, семян и грязно-бурого риса, Анна ждала у меня дома. После ужина мне был сделан массаж ног, причем такой жесткий, что я только содрогался. Затем она сообщила, что со студенческих времен не занималась любовью пять ночей подряд, но собирается пойти на рекорд.

День 6-й

Будильник на своем телефоне она поставила на 5:45, потому что у нее было много дел. Меня она тоже растолкала, позволила выпить одну-единственную чашку кофе и заставила влезть в спортивный костюм.

– У меня же икры болят, – напомнил я.

– Это самовнушение, – отрезала она.

– Не хочется сегодня на пробежку, – жалобно протянул я.

– Плохо, котик. – Она швырнула мне в лицо тренировочные штаны.

Утро выдалось холодным и промозглым.

– Идеальная погода для тренировки на ровной местности, – сказала Анна.

Пришлось на подъездной дорожке перед домом повторять за ней двенадцатиминутный комплекс упражнений на растяжку; каждые тридцать секунд на телефоне у Анны пикал таймер. Оказалось, что для растяжки отдельных мышц и сухожилий необходимо удерживать одну за другой двадцать четыре позиции; от каждой я содрогался, проклинал весь белый свет и опасался, как бы не грохнуться в обморок.

– Браво, котик, – сказала Анна.

Потом она сообщила мне оптимальный маршрут по микрорайону: два круга для нее, один для меня. Как раз когда я пробежал мимо, на свою лужайку вышел мистер Мур, чтобы забрать свежую газету.

– Неужели это твоя девушка? С минуту назад тут пробегала, – крикнул он мне.

Я совсем выдохся и сумел только кивнуть.

– Хер ли она в тебе нашла?

Очень скоро Анна меня догнала и на бегу шлепнула по задку.

Дома я сразу пошел в душ; Анна не заставила себя ждать. Мы много целовались и ласкали друг другу самые нежные местечки. Она научила меня особым образом тереть ей спину и распорядилась, чтобы в обеденный перерыв я пришел к ней в офис штудировать методичку по дайвингу. Мне даже первые страницы не давались, а она уже половину заданий отщелкала. И когда только сподобилась — ума не приложу.

До вечера я торчал у нее в конторе, выбирал правильные варианты ответов на вопросы об акваланге и его использовании, скролил кое-какие списки объектов недвижимости (иногда по-любительски возвращаясь к своему прежнему занятию) и пытался развеселить сотрудниц, углубившихся в компьютерный дизайн. Но все без толку. Тем временем Анна провела длительные телефонные переговоры с заказчиком из Форт-Уорта, штат Техас, обновила титульные листы для серии учебников, проверила три проекта, помогла трудновоспитуемой старшекласснице сделать домашку по геометрии, навела порядок в конторском шкафу и добила вторую половину методички по дайвингу. Хотя у нас еще ни одного занятия по теории не было.

Ну, не страшно. В школе дайвинга мы двое составляли всю учебную группу. После просмотра видеофильма о красотах подводного царства нас запустили в бассейн. Мы стояли там, где мелко, а наш инструктор, Вин, подробно объяснял устройство акваланга. Лекция затянулась до невозможности, главным образом потому, что у Анны возникало как минимум пять вопросов насчет каждой детали Автономного Аппарата Для Дыхания Под Водой. В конце концов инструктор дал команду сунуть в рот загубник, опуститься на колени, чтобы голова оказалась под водой, вдохнуть сжатый воздух с металлическим привкусом и выдохнуть пузыри. Под занавес нам пришлось проплыть десять дорожек, чтобы доказать свое умение держаться на воде. Анна справилась с этой задачей не хуже олимпийской чемпионки; через несколько минут она, выбравшись из бассейна, уже растиралась полотенцем. А я без суеты проплыл дистанцию брассом и с большим отрывом занял второе место.

После этого заплыва мы поехали в Ист-Виллидж, где в здании «Маркет-молла» нас поджидали Стив Вонг и Эм-Дэш, чтобы вместе посидеть в кондитерской «Любимые сласти» за стаканчиком молочного коктейля. Анна взяла себе маленькую порцию несладкого безлактозного йогурта со щепоткой натуральной корицы. Расположившись за столиком, мы смаковали десерты, и Анна сунула свою ладонь мне в руку; этот жест не остался незамеченным.

Перед сном, лежа в своей постели, Анна, как водится, просматривала какие-то данные на планшете, а мне прилетела эсэмэска от Стива Вонга.

СВонг: Пялишь А.???

Я набрал ответ:

Moonwalker7: Тебя торкает?

СВонг: Да/нет?

Moonwalker7: 😊

СВонг: Спятил??????

Moonwalker7: ✈️ 🏃 🚀 🎯 🏹 !! 🏁 😊

Тут и Эм-Дэш вклинился:

FACEOFAMERICA: 😐

Moonwalker7: Меня совратили

FACEOFAMERICA: «когда у повара блудняк, обеда
не жди»

Moonwalker7: кто сказал? Деревенский шаман?

FACEOFAMERICA: «когда у тренера блудняк, победы
не жди». Винс Ломбарди.

И так далее. Стив Вонг и Эм-Дэш не видели ничего хорошего в том, что я замутил с Анной. А зря! Именно в ту ночь мы с нею в городке Грин-Бей, штат Висконсин, дали бы сто очков вперед тому повару, который упустил обед.

День 7-й

– Не пора ли обсудить наши отношения?

Вопрос исходил от *меня*. После душа я, обмотавшись полотенцем, возился с кофейным прессом на тесной кухоньке Анны – готовил себе утренний эликсир. Анна встала на полтора

часа раньше и уже была одета для пробежки. К счастью, мои кроссовки для бега по пересеченной местности остались у меня дома, так что марафон мне не грозил.

– А тебе охота обсуждать наши отношения? – уточнила она, смахивая пару крупинок молотого кофе, упавших на стерильную кухонную столешницу.

– Мы с тобой – *устойчивая пара*? – спросил я.

– А сам-то ты как думаешь? – ответила она вопросом на вопрос.

– Ты считаешь меня своим *гражданским мужем*?

– А ты считаешь меня своей *гражданской женой*?

– Кто-нибудь из нас, в конце-то концов, перейдет на повествовательные предложения?

– А я знаю?

Присев на кухонный табурет, я попробовал кофе: получился слишком крепкий.

– Можно чуток молока? – попросил я.

– По-твоему, эта гадость полезна для здоровья?

Взамен Анна протянула мне крохотный пузырек миндального молока без консервантов, которое хранится буквально пару дней и к молоку не имеет никакого отношения, – на самом деле это выжимка из орехов.

– Тебе не трудно будет купить обыкновенного молока – мне для кофе?

– Не слишком ли ты привередлив?

– Если я всего лишь попросил молока, значит я привередлив?

Анна с улыбкой взяла мое лицо в ладони:

– Подходит ли мне такой мужчина?

Она меня поцеловала. Только я собрался перейти на повествовательные предложения, как она села верхом мне на колени и размотала полотенце. В то утро пробежка не состоялась.

Дни с 8-го по 14-й

Быть гражданским мужем Анны оказалось не проще, чем тренироваться в учебке морской пехоты и параллельно работать на полную катушку в центре помощи пострадавшим от природных бедствий на северо-западной оконечности штата Оклахома в сезон торнадо. Ни дня, ни минуты покоя. Прикорнуть в 14:30 нечего было и думать.

Я регулярно занимался спортом: к утренним пробежкам добавились уроки дайвинга, ежедневные получасовые растяжки по системе йоги и совместные с Анной занятия велоаэробикой в парилке – сущее мучение, до рвоты. От количества всевозможных дел можно было рехнуться: мы никогда не ограничивались списком намеченных задач или покупок – потребности возникали спонтанно, *ad hoc*. Нескончаемо. Если Анна не работала, не занималась спортом и не загоняла меня в койку, то непременно что-нибудь придумывала, высматривала, раскапывала на труднодоступных полках магазинов, мчалась через весь город на распродажи недвижимости или же в «Хоум депо», где выясняла у Стива Вонга, какую шлифовальную ленту мне можно доверить, чтобы привести в порядок садовый столик красного дерева, стоящий у меня на заднем дворе. Каждый день, целый день я выполнял ее указания, в том числе и неукоснительные инструкции по вождению автомобиля.

– На следующем перекрестке – налево. Здесь не газуй. Давай на Вебстер-авеню. Куда тебя несет? Направо еще рано. Держись подальше от школы! Почти три часа! Вон уже дети выбегают!

Для Стива Вонга, Эм-Дэша и меня она устроила показательный сеанс скалолазания в новом гипермаркете спортивно-туристского снаряжения, где имелась альпинистская стенка и вдобавок был устроен бассейн с имитацией речных порогов для обучения рафтингу, а кроме всего прочего, работала и аэродинамическая труба: снизу вверх нагнетался сильнейший воздушный поток, и в нем барахтались, как в свободном падении, воздухоплаватели в

шлемах. Стоит ли говорить, что за один вечер мы вчетвером прошли через все эти пытки? В спортивном гипермаркете мы зависли до закрытия. Стив Вонг и Эм-Дэш ощущали себя как настоящие качки, притом что, нацепив бесполые фартуки, уже отпахали целый рабочий день в «Хоум депо». Я был в полном изнеможении – долго выдерживать плотный график Анны оказалось невыносимо. Меня постоянно клонило в сон.

Когда мы сделали перерыв на белковые закуски в «Энергетическом баре», Анна вышла в туалет.

– И как оно? – спросил Эм-Дэш.

– Что значит «оно»? – переспросил я.

– Как там у вас с Анной? Тили-тили тесто.

– И сам, кстати, как – держишься? – спросил Стив Вонг. – Вид у тебя измочаленный.

– Я же только что вышел из состояния фальшивой невесомости.

Эм-Дэш выбросил в урну надкушенный энергетический батончик.

– Раньше я смотрел на тебя и думал: «Этот парень все просчитал. И домишко у него неплохой, да еще с задним двориком, и работает не на дядю – только на себя. Часы вообще может выбросить, поскольку никуда не торопится». Для меня ты олицетворял Америку, в которой я надеюсь жить. А теперь тобой помыкает Леди Босс.

– Прочитуй ему ту народную мудрость, – подсказал Стив.

– Ты что-то еще почерпнул у деревенского шамана? – удивился я.

– На самом деле у деревенского учителя английского, – уточнил Эм-Дэш. – «Для кругосветного плавания кораблю необходимы парус, штурвал, компас и часы».

– Изречение весьма актуальное для страны, не имеющей выхода к морю, – отметил я.

Эм-Дэш вырос в деревне к югу от Сахары.

– Анна – это компас, – объяснил Эм-Дэш. – Ты – часы, но если ты сверяешься по компасу, значит у тебя кончился завод. Твои стрелки говорят правду два раза в сутки. Мы никогда не узнаем нашу долготу.

– А ты уверен, что Анна – не парус? – спросил я. – Может, я штурвал, а Стив – компас? Не вижу логики.

– Давай объясню на понятном тебе языке, – сказал Стив. – Мы – как сериал с интернациональным актерским составом. Африканец есть – вот он. Азиат есть – это я. Европеоид смешанных кровей – это ты. И сильная, решительная женщина, Анна, которая никогда не допустит главенства мужчины. Ваши с ней отношения – это сюжетный ход из одиннадцатого сезона, когда телекомпания думает лишь о том, чтобы удержать нас в сетке вещания.

Я перевел взгляд на Эм-Дэша:

– Ты уловил эту поп-культурную метафору?

– В общих чертах. Я кабель смотрю.

– Вчетвером, – продолжил Стив, – мы составляем идеальный квадрат. А ты, кувyrкаясь с Анной, нарушаешь нашу геометрию.

– Каким образом?

– Девушка наполняет нашу жизнь событиями. Посмотри на нас. Время к полуночи, а мы, не выходя на улицу, слазили в горы, сплывались по реке и напрыгались с вышки. В школьные годы я бы к концу дня был на такое не способен. Она для нас – катализатор.

– Ты приплетаешь сюда паруса, сериалы, геометрию и химию, чтобы вбить клин между мной и Анной. Но я на это не ведусь.

– Предсказываю слезы, – сказал Эм-Дэш. – Тебе, Анне, нам всем. Фонтаны слез.

– Послушай... – Я оттолкнул протеиновую палочку, и по виду и по вкусу деревянную. – Между мною и моей гражданской женой возможны следующие варианты. Да, гражданской женой. – Я украдкой огляделся, не идет ли Анна; та стояла поодаль и болтала с администратором у стойки под плакатом «ПУТЕШЕСТВИЕ – ЛУЧШЕЕ ВЛОЖЕНИЕ СРЕДСТВ!». –

Первый вариант. Мы оформим брак, нарожаем детишек и пригласим вас стать крестными отцами. Второй вариант. Мы разбежимся, не скрывая обид и взаимных упреков. Каждому из вас придется делать свой выбор: либо сохранить дружбу со мной, либо пойти против общепринятых гендерных правил и остаться друзьями с женщиной. Третий вариант. Она встретит другого парня, а меня бросит. Я сделаюсь унылым лузером – и не вздумайте сказать, что я такой и есть. Четвертый вариант. Мы пойдем каждый своей дорогой, полюбовно решив, как показывают по телику, остаться друзьями. А память сохранит псевдоальпинизм и лучший секс в моей жизни. Нам не страшны никакие повороты судьбы, потому что мы – большие мальчик и девочка. И согласитесь: если Анна переметнется к вам, вы будете только за.

– А ты будешь пророчить слезы, – заметил Стив Вонг.

Тут вернулась улыбающаяся Анна, размахивая солидной цветной брошюрой.

– Эй, ребята! – воскликнула она. – Кто хочет поехать в Антарктиду?

День 15-й

– Снаряжения понадобится тонна. – Уже полностью одетая в спортивную форму, Анна макала в кружку с кипятком чайный пакетик фирмы «Рейнбоу», а я еще только шнуровал кроссовки для пересеченной местности. – Теплые штаны. Парки, нейлоновые ветровки. Флисовые пуловеры. Непромокаемая обувь. Палки для ходьбы.

– Перчатки, – подхватил я. – Шапки.

От путешествия в Антарктиду нас отделяло три месяца, множество часовых поясов и тысячи миль, но Анна уже раскладывала все по полочкам.

– На Южном полюсе будет лето, разве нет? – спросил я.

– Мы едем не на полюс. А в Антарктиду.

Полюс... Антарктида...

– Если погода и море позволят, доберемся, быть может, до полярного круга. Но там тоже лед и ветер.

Мы вышли на лужайку перед моим домом и начали сорокапятиминутный комплекс упражнений на растяжку; очень скоро «собака мордой вниз» и «кобра» промокли от утренней росы. *Пинь*. По сигналу таймера я согнулся в три погибели, чтобы коснуться лбом коленных чашечек. Не тут-то было.

Анна тем временем складывалась, будто ломберный столик.

– Ты пойми, – говорила она, – даже экипаж «Аполлона» совершил поездку в Антарктиду для изучения вулканов.

Ей было известно мое пристрастие ко всему, что касается Покорителей Космоса. Она только не учла, насколько глубоко я владею этой темой.

– Готовились они в Исландии, девушка. Если кого-то из астронавтов и заносило на Южный полюс, то лишь намного позже того времени, когда они зареклись влиять на судьбы человечества, улетаая от смерти на космических кораблях НАСА.

Пинь. Я попробовал обхватить себя за лодыжки; несчастные икры как огнем обожгло.

– Увидишь пингвинов, китов, полярные станции, – продолжала Анна. – И конечно, бэ-пятнадцать-ка.

– Что такое «бэ-пятнадцать-ка»?

– Айсберг величиной с Манхэттен, гигантский, виден со спутника. Откололся от шельфового ледника Росса в две тысячи третьем и сам по себе дрейфует вокруг Антарктиды против часовой стрелки. Если установится ясная погода, можно будет заказать вертолет и приземлиться на вершину!

Пинь. Последнее упражнение. Анна сорвалась с места и побежала. Я попробовал ее догнать, но обломался – уж очень она возбудилась от этого «бэ-пятнадцать-ка».

Когда я трусцой пробежал мимо дома мистера Мура, он с дорожной кружкой кофе в руке как раз садился в машину.

– Подруга твоя только-только мимо пронеслась. Ишь как ей встало.

После душа и завтрака, состоявшего из авокадо и подсушенных ломтиков цельнозернового хлеба, Анна взяла купленную у Стива Вонга шлифовальную ленту и начала драить мой садовый столик. Я нашел у себя в хозяйстве наждачку и присоединился.

– Когда отчистишь до древесины, нужно будет перекрасить столешницу. У тебя краска водится? – (Краска водилась.) – Засветло должен закончить. Потом – ко мне. Сначала ужин, потом секс.

Что ж, я не спорил.

– А сейчас мне на работу пора.

Перед уходом она указала на другие деревянные объекты, требовавшие шлифовки и окраски: скамью, дверь черного хода, ведущую в кухню, и старый сарайчик, где у меня хранятся садовые фигурки и спортивные принадлежности. Работы было невпроворот.

Потный, весь в пыли, перепачканный в краске, я получил сообщение от Анны: «*AnnaGraphicControl: обед в 15.00*».

За полчаса домчался до ее дома, но перед обедом вынужден был принять душ. Обед состоял из огромных мисок вьетнамского супа-лапши; мы включили *BluRay* и посмотрели две серии «Замерзшей планеты»^[13]. За три с лишним часа узнали всю подноготную антарктических пингвинов и тюленей-крабоедов, обитающих только *угадайте в какой части света*.

До секса дело не дошло – я вырубился.

День 16-й

Без согласования со мной Анна перенесла тренировку по дайвингу на утро.

Вин распорядился, чтобы мы надели гидрокостюмы и все прибабасы – баллоны, грузовые пояса и остальное – и опустились на колени в глубоком конце бассейна. В такой позе мы должны были снять с себя все оснащение, включая маски, задержать дыхание, а затем снова все надеть. После этого Вин сказал, что я не проработал методичку и должен активизироваться.

– А почему, собственно, ты не вызубрил материал? – потребовала ответа Анна.

– Все мое время заняло свидание с абразивной лентой.

По дороге домой у меня запершило в горле, – похоже, начиналась простуда.

– Только не вздумай сказать, что у тебя начинается простуда, – предупредила Анна. – Как только человек говорит, что разболелся, он позволяет себе разболеться.

У нее задребезжал телефон, и она ответила по громкой связи: из Форт-Уорта звонил ее заказчик, некий Рикардо. Сыпал шуточками насчет размножения трафаретной печатью; Анна, сворачивая на мою подъездную дорожку, смеялась. До окончания разговора из машины выходить не стала. Я прошел в дом.

– Придется нам слетать в Форт-Уорт, – объявила она, появившись наконец в кухне, где я варил куриный суп с лапшой из пакетика.

– Зачем? – удивился я.

– Мне нужно сделать презентацию, иначе такого клиента не удержать. Между прочим, это не суп, а бочка хлористого натрия.

– Я позволяю себе разболеться. Суп в таких случаях помогает.

– Это дерьмо тебя убьет.

– Мне обязательно лететь с тобой в Форт-Уорт?

– А почему бы не проветриться? Ты же ничем не занят. Переночуем в городе, осмотрим достопримечательности.

- В Форт-Уорте?
- Организуем себе приключение.
- У меня из носа течет, голова гудит, как улей.
- Чтобы это прекратилось, нужно прекратить подобные разговоры, – сказала она.

В ответ я чихнул, зашелся кашлем и высморкался в бумажный носовой платок. Анна только покачала головой.

День 17-й

Вот список достопримечательностей, которые я осмотрел в Форт-Уорте.

Гигантский аэропорт. Народищу столько, что можно заподозрить коллапс техасской экономики и массовое бегство населения.

Зал получения багажа. В стадии строительства; царство хаоса и кулачных боев. У Анны было сдано в багаж три чемодана; из желоба они вылетели в числе последних.

Автобус. Весь разукрашен огромными надписями: «Пони-кар», «Пони-кар», «Пони-кар». «Пони-кар» – это новая возможность для путешественников, конкуренция всяким «Уберам» и пунктам проката автомобилей. У Анны был с собой бесплатный проездной билет выходного дня – откуда он взялся, ума не приложу. Автобус довез нас до парковки, забитой микролитражками все с тем же логотипом «Пони-кар». У меня нет ни малейшего представления, где их производят, но рассчитаны они на дистрофиков. Нам пришлось втиснуться со всеми чемоданами в автомобиль, способный вместить, помимо нас, хорошо если треть нашего багажа.

Отель «Сан-гарден», обслуживающий аэропорты Далласа и Форт-Уорта. Даже не отель, а ориентированный на приезжих специалистов скромного достатка конгломерат спартанских комнатенок и автоматов по продаже всякой всячины. Оказавшись в нашей клетушке, я сразу прилег. Не прекращая беседовать по мобильному с Рикардо, Анна стала переодеваться в деловой костюм. Она помахала мне на прощанье и с чемоданом на колесиках выскользнула в коридор.

В сумеречном простудном состоянии я даже не смог включить телевизор. Кабельная система выдавала незнакомое меню. Мне был доступен только канал отеля «Сан-гарден», который демонстрировал красоты и чудеса сети «Сан-гарден» по всему миру. Ждал своего открытия новый отель во Франкфурте. Как работает телефонная связь, я тоже не разобрался. Мне отвечало все то же Главное Голосовое Меню. Проголодавшись, я потащился вниз, в так называемое лобби, купить хоть что-нибудь в автомате.

Автоматы стояли в отдельной камерке, где также предлагался небольшой шведский стол: тазики с яблоками и дозаторы с хлопьями для завтрака. Я взял понемногу того и другого. В одном из автоматов продавались ломтики пиццы, в другом – товары в дорогу, включая средства от простуды. С четвертой попытки скормив автомату жеваную двадцатидолларовую купюру, я приобрел незнакомые капсулы, таблетки, несколько одноразовых доз микстуры и какое-то снадобье во флакончике с надписью «Буст-бластер!» – якобы с мегадозами антиоксидантов, энзимов и прочих полезных веществ, получаемых из швейцарской свеклы и рыбы.

Вернувшись в номер, приготовил коктейль из двух доз каждого средства; повозился, конечно, с защитной пленкой и недоступными для детей колпачками, но зато «Буст-бластер!» откупорил с одного тыка.

День 18-й

Проснулся – и не понял, где нахожусь. Услышал, как в душе хлещет вода. Увидел из-под двери полоску света, а на прикроватной тумбочке – стопку учебников. Дверь санузла распахнулась, выпустив освещенное облако пара.

– Живой! – Анна, голая, растиралась полотенцем. Она уже вернулась с пробежки.

– Разве?

Простуда не отступала. Ничуть. Зато к ней добавилось кое-что новенькое: меня стало подташнивать.

– Ты все это заглотил? – Анна махнула рукой в сторону журнального столика, заваленного остатками моего самолечения.

– Но не выздоровел, – слабо пролепетал я в свою защиту.

– Когда человек говорит, что не выздоровел, он не позволяет себе выздороветь.

– Мне настолько паршиво, что твоя логика приобретает смысл.

– Ты все пропустил, котик. Вчера вечером мы ходили в мексиканский ресторан натуральных продуктов. Отмечали день рождения Рикардо. Нас было сорок человек на одну пиньяту^[14]. Потом отправились на автодром – кататься на миниатюрном хот-роде. Я тебе и звонила, и эсэмэски отправляла – ноль внимания.

Хватаю телефон. Между шестью часами вечера и половиной второго ночи звонки и сообщения от *AnnaGraphicControl* поступили в общей сложности тридцать три раза.

Анна уже одевалась.

– Давай-ка, собирайся. Пора освобождать номер и ехать к Рикардо в офис на деловую встречу. А прямо оттуда – в аэропорт.

Анна отогнала «Пони-кар» в индустриальный парк где-то в Форт-Уорте, штат Техас. Чуть живой, я сидел в приемной, постоянно сморкался и пробовал сосредоточиться на книге, закачанной в читалку «Кобо диджитал ридер», но в голове был туман. Нашел в телефоне игрушку под названием «101», где нужно отвечать на вопросы с множественными вариантами ответов. Выбор делался между «верно» и «неверно». Президент Вудро Вильсон в Белом доме печатал на машинке. Верно! Отстукивал речь на машинке «Хэммонд тайп-о-матик», надеясь выступить для себя поддержку в войне.

От долгого сидения меня потянуло на свежий воздух, и я нога за ногу поплелся гулять по индустриальному парку. Все здания выглядели совершенно одинаково, и я заблудился. Обратную дорогу нашел лишь благодаря тому, что чудом заметил «Пони-кар», оказавшийся нашим.

Анна вся извелась, ожидая меня у своих заказчиков.

– Где ты был?

– Осматривал достопримечательности, – ответил я.

Она представила меня Рикардо и еще тринадцати спецам по учебникам. Я никому не подал руки. Поймите, у меня же была простуда.

Возврат «Пони-кара», как нам и обещали, не потребовал никаких усилий, но бесплатный автобус до нашего терминала как сквозь землю провалился. Чтобы успеть на самолет, мы с Анной пустились бежать через весь аэропорт ДФУ, как герои фильма – то ли чокнутые любовники на отдыхе, то ли федеральные агенты в преддверии теракта. На самолет мы успели, но мест рядом уже не было. Анна сидела впереди, я в хвосте. Заложенные уши нестерпимо разболелись при взлете и еще сильнее – при снижении.

По дороге к моему дому Анна забежала в винный магазин купить фляжку бренди. Заставила меня сделать изрядный глоток, уложила в постель, поправила подушку и чмокнула в лоб.

Дни 19-й и 20-й

Говоря попросту, я расклеился; помогали мне только покой и обильное питье – самые верные средства от простуды со времен первобытного человека.

Впрочем, у Анны были свои соображения. Она задалась целью меня вылечить, причем не постепенно, а в ускоренном режиме. Два дня подряд усаживала меня нагишом на стул, заставляла погрузить ступни в лохань с холодной водой и подсоединяла мне к рукам и ногам нечто вроде аппарата для ЭКГ, предварительно потребовав, чтобы я снял с себя все металлические предметы (которых на мне не было), а потом щелкала тумблером. Я ничего не чувствовал.

Но с течением времени вода, объявшая мои ноги, мутнела, потом бурела и под конец начинала густеть, приобретая вид адски неаппетитного желе. Эта субстанция оказалась такой густой, что мои босые ноги увязали в ней, как в болоте. А запах!

– Из тебя выходят вредные шлаки, – пояснила Анна, выливая эту гущу в унитаз.

– Через пятки? – удивился я.

– Да. Это доказано. Из-за неправильного питания в организме скапливаются яды и жиры. Такая ножная ванна вытягивает их через стопы.

– Теперь-то я могу полежать?

– Пока я не позову тебя в паровой душ.

– У меня нет парового душа.

– Нет – так будет.

При помощи включенного на полную мощность переносного парогенератора и выгородки из пластиковых занавесок Анна соорудила паровой душ. Я сел на низкую табуретку, чтобы обильно пропотеть и выпить три баллона какого-то бледного чая. Чаепитие продвигалось малой скоростью, так как этот чай, судя по вкусу, набрали из сточной канавы, а человеческий мочевой пузырь способен принять лишь ограниченное количество сточных вод.

Мне доставили велосипедный тренажер. Под контролем Анны я каждые полтора часа крутил педали в течение ровно двенадцати минут; ручьями катившийся с меня пот свидетельствовал о подскоке температуры тела.

– За счет этого из организма выводится слизь и прочая гадость, – сказала Анна.

На завтрак, обед и ужин я получал миску водянистого тушеного месива с кусками свеклы и сельдерея.

Сверясь со своим планшетом, она заставляла меня по часу выполнять медленные растяжки; я должен был *в точности* повторять все движения видео-инструктора.

Анна включила в сеть такую штуковину размером с кусок мыла, которая *жужжала* и вибрировала, – какое-то доморощенное устройство с надписью русскими буквами на коробке. Мне пришлось нагишом лечь на пол, чтобы Анна смогла растереть мне все тело этой штуковиной сзади и спереди. На разные части тела эта большевистская машинка реагировала по-разному.

– Браво, котик! – похвалила Анна. – Мы почти у цели.

Я тайком от нее наглотался найквила и сжевал несколько пастилок судафед, дополз до кровати и забылся в объятиях Морфея.

День 21-й

Наутро мне стало лучше. Постель была насквозь мокрой, хоть отжимай.

Анна скотчем приклеила к моей кофеварке записку.

Оставила тебя безмятежно спящим. Мне нравится, когда ты такой. В холодильнике бульон, который придаст тебе сил. Утром пить холодным, в обед – горячим. Поупражняйся на тренажере 2 раза в первой половине дня и сделай растяжку, пройдя по ссылке, отправленной тебе на мейл. А пока будешь прогреваться, выпей три бутылки воды! Нужно вывести из организма натрий! А.

Предоставленный самому себе, я наслаждался домашним одиночеством, а потому тут же выбросил из головы эти указания. Сделал кофе с горячим молоком. Прочел настоящую, бумажную «Таймс», а не онлайн-версию, за которую агитировала Анна на том основании, что газетная бумага, сколько ее ни перерабатывай, – это преступление против окружающей среды. Порадовал себя сытным завтраком: яичница с жареными ломтиками лингвики (это такая португальская колбаса), банан, печенье с клубничной прослойкой, сок папайи из тетрапака и глубокая тарелка сухих шоколадных шариков.

На растяжку я забил, равно как и на неподвижный велосипед, и на пластиковый хаммам. По ссылке не прошел, а без инструктора какая же растяжка? Все утро я посвятил стирке: набралось четыре загрузки, включая постельное белье. Ставил сборные диски и подпевал. Не подчинялся командам Анны и от этого блажествовал. Что может быть лучше?

А это значит, что я ответил на вопрос, заданный мне Анной две недели назад: нет. Ей не подходит такой мужчина.

Когда она позвонила справиться о моем самочувствии, я признался, что пренебрег ее указаниями. А потом добавил, что, по собственным ощущениям, выздоровел, отдохнул, пришел в себя и, хотя она все это время проявляла себя замечательно, я, как форменный осто-лоп, бла-бла-бла, бла-бла-бла...

Подобрать нужные слова я не успел – Анна меня опередила:

– Мне не подходит такой мужчина, котик.

В ее голосе не было ни намек на злость, осуждение или расстройство. Она просто констатировала факт – я бы так не смог.

– Это же ясно, – коротко усмехнулась Анна. – Я тебя подавляла. И со временем задавила бы совсем.

– И до каких пор ты собиралась держать меня на крючке? – спросил я.

– До утра пятницы, и если бы ты сам не завел разговор, пришлось бы это сделать мне.

– Почему именно до утра пятницы?

– Да потому что в пятницу вечером я возвращаюсь в Форт-Уорт. Мы с Рикардо отправляемся в полет на воздушном шаре.

Какая-то часть моего мужского самолюбия тут же пожелала, чтобы этот крендель, Рикардо, тоже ей не подошел.

Так и получилось. Никаких объяснений от Анны не последовало.

Сертификат аквалангиста, заметьте, я все же получил. Мы с Анной вместе с десятком других дайверов под руководством Вина вышли на катере в бурую от водорослей прибрежную акваторию. Подышали под водой, проплыли сквозь высоченный лес морской растительности. У меня осталось бесподобное фото: мы с Анной в гидрокостюмах сразу после экзамена сидим в обнимку на катере, замерзшие, с мокрыми лицами, и широко улыбаемся в камеру.

А на следующей неделе нас ждет Антарктида. Чтобы закупить все необходимое, Анна устроила нам большой поход по магазинам. Особое внимание она уделила Эм-Дэшу, проверяя, достаточно ли у него теплых вещей. Его никогда еще не заносило в такие холодные края, где выживают одни пингвины да крабоеды.

– Встречай нас, Южный полярный круг, – провозгласил я, обрядившись в зеленую парку и водонепроницаемые штаны.

Анна рассмеялась.

Летим (с пересадкой в Лиме) до чилийского города Пунта-Аренас, там садимся на пароход и отчаливаем от берегов Южной Америки; первая стоянка – в порту Локруа, где находится старая полярная станция. Говорят, в проливе Дрейка часто штормит. Но при наличии паруса, штурвала, компаса и хороших судовых часов наш корабль непременно выйдет в море курсом на *B15K* и приключения.

Сочельник 1953-го

Вирджил Бьюэл закрыл магазин уже под вечер, когда сыпал легкий снежок. Гололе-дища усиливалась, ехать пришлось медленно, но, если у тебя «плимут» с автоматической двухступенчатой коробкой передач «Пауэр-флайт», такое вождение не причиняет никаких неудобств. Педали сцепления нет, установлена противооткатная система – настоящее чудо инженерной мысли. Вылететь с обледеневшей дороги и увязнуть в снегу было бы сегодня полной катастрофой: в багажнике «плимута» хранились все сокровища, заказанные детьми Санта-Клаусу едва ли не месяц назад и ожидаемые после полуночи. Через считанные часы подарки должны были оказаться под елкой, а начини он перетаскивать их из багажника увязшей в сугробе машины в кабину тягача, рождественский вечер пошел бы насмарку.

Дорога домой, понятное дело, затягивалась, но это еще полбеды. Вирджил терпеть не мог холодов. Двухступенчатая коробка передач – дело хорошее, однако он частенько про-хаживался в адрес конструкторов «плимута», не потрудившихся обеспечить хоть сколько-нибудь стоящий обогрев салона. Когда Вирджил наконец добрался домой и желтые огни фар заиграли на стекле заднего крыльца, а колеса с шуршанием остановились на гравийной дорожке, его уже слегка знобило. С преувеличенной осторожностью, чтобы не поскольз-нуться, как случалось не раз, он прошагал по тропинке к дому и довольно резво для устав-шего после работы человека взбежал на крыльцо.

Потопав ногами в галошах и развесив верхнюю одежду, Вирджил начал согреваться от тепла, поступающего сквозь решетки снизу, из подвала. После покупки этого дома он своими руками установил литую печь, довольно большую для скромных размеров жилища. А кроме того, приобрел зверский промышленный водогрей, бесперебойно поставлявший божественную влагу, чтобы дети могли вволю плескаться в ванне, а сам Вирджил – не торо-пясь мыться под душем. Такой комфорт обходился недешево, да и печка за зиму съедала не менее семи кубов поленьев.

В гостиной горел камин. Вирджил научил Дейви, как правильно разводить огонь: укла-дывать поленья не пирамидкой, а в виде бревенчатого домика с растопкой внутри. Теперь Дейви считал поддержание огня в камине своей священной обязанностью. С наступлением ноябрьских морозов дом Бьюэлов становился самым теплым во всей округе.

– Пап! – выбежал из кухни Дейви. – Наш план сработал. Джилл всему поверила.

– Отличная новость, дружище. – Вирджил пожал сыну руку секретным способом, известным только им двоим.

– Я сказал, что после ужина мы напишем письма Санта-Клаусу, а потом выставим уго-щения – в точности как делали вы, когда я был мелким.

В январе Дейви исполнялось одиннадцать.

Джилл хлопотала вокруг кухонного стола: в ее обязанности входило подравнивать сал-фетки и столовые приборы.

– Мой папочка с работы приехал, ура-ура, – обрадовалась шестилетняя дочь, передви-гая последние ложки.

– Неужели? – Делорес Гомес Бьюэл стояла у плиты, придерживая на бедре малютку Конни.

Вирджил расцеловал своих женщин.

– Вот теперь вижу, – сказала Дел, чмокнула его в ответ, а потом выложила на блюдо жареный с луком картофель и подала к столу.

Дейви принес отцу банку пива из огромного нового «Кельвинатора»^[15] и при помощи открывалки торжественно проделал в крышке два противоположных отверстия – еще одна его священная обязанность.

Ужин семейства Бьюэл обычно превращался в цирк. Непоседа Дейви то и дело вскакивал из-за стола. Конни ерзала на коленях у матери, довольная тем, что ей дали ложечку, которую она то пыталась съесть, то использовала вместо колотушки. Дел нарезала детям еду, вытирала все, что проливалось на стол, понемножку скармливала Конни пюре и еще сама успевала перекусить. Вирджил ел не спеша, описывая вилок по тарелке и поочередно отправляя в рот кусочки всех поданных ему блюд, а сам наслаждался этим домашним спектаклем.

– Говорю же тебе: Санте достаточно трех печенюшек. – Дейви просвещал Джилл, объясняя подробности предстоящего ночного визита. – Он даже стакан молока выпить не успевает. У него полно дел. Правда, пап?

– Ну разумеется.

Вирджил подмигнул сыну; тот хотел подмигнуть в ответ, но смог лишь скривиться и зажмурить один глаз.

– Тем более что все оставляют ему одно и то же угощение.

– Все? – переспросила Джилл.

– Все.

– Не понимаю: когда же он приходит? В какое время появляется? – допытывалась Джилл.

– Ешь, а то он вообще не придет. – Дел постучала вилок по тарелке Джилл и отделила немного картофеля. – Кто хорошо кушает, к тому Санта приходит пораньше.

– Сразу, как мы ляжем спать? – не унималась Джилл. – Сперва все должны уснуть, правда?

– Он может появиться в любое время, пока мы спим. – У брата на все был готов ответ. За лето Дейви узнал правду о Санте и дал себе слово держать сестренку в неведении.

– Но это же очень долго. Вдруг молоко в тепле скиснет?

– Он может охладить его одним касанием! Опустит палец в стакан теплого молока – фш-ш-ш, бум! – и молоко холодное.

Джилл была сражена.

– Он, наверное, молоком прямо опивается.

После ужина Вирджилю и детям было поручено убрать на кухне; Джилл, стоя на стуле возле раковины, вытирала одну за другой вилки и ложки, пока Дел наверху укладывала младшую и сама немного вздремнула – она хронически не высыпалась. Дейви откупорил последнюю на сегодня банку пива и поставил ее на телефонный столик у камина, возле «папиного кресла». Вирджил отхлебывал пиво, а Дейви и Джилл растянулись перед граммофоном и ставили рождественские пластинки. В темноте гостиной огоньки елочной гирлянды рисовали на стенах многоцветные волшебные узоры. Джилл забралась на колени к отцу, а ее брат раз за разом крутил песенку про красноногого олененка Рудольфа, главного в упряжке Санта-Клауса. В конце концов они запомнили все слова и стали добавлять собственные.

«У него блестящий нос».

– Как лампочка!

«Принялись его дразнить».

– Эй, Пустоголовый!

А когда дошел черед до слов *«Ты в историю войдешь»*, они дружно выкрикнули:

– И в арифметику!

По лестнице со смехом спустилась Дел:

– Представляю, во что бы вы превратили *«Радуйся, мир!»*^[16].

Она отпила пива из банки Вирджила, устроилась в излюбленном уголке дивана, постучала сигаретой, извлеченной из кожаного защелкивающегося портсигара, и чиркнула спичкой из короба, лежавшего в пепельнице рядом с телефоном.

– Дейви, поправь вот то полено, сделай одолжение, – попросил Вирджил.

Джилл оживилась:

– Чур я помешаю угли!

– После меня. Ты не волнуйся. Валенкам Санты огонь не страшен.

– Знаю. Знаю.

После того как Джилл закончила ворошить угли, Дел отправила детей наверх переодеться в пижамы.

Вирджил допил пиво и пошел к стенному шкафу за портативной пишущей машинкой «Ремингтон». Ее, совершенно новую, купила для него Делорес, когда он лежал в армейском госпитале на Лонг-Айленде, в Нью-Йорке. Вирджил набивал ей письма здоровой рукой, а потом психологи научили его печатать вслепую, и Вирджил назвал этот метод «слепая печать пальто с половиной пальцами».

Он вытащил машинку из футляра, поставил на низкий журнальный столик и заправил, как всегда, два листа бумаги, один поверх другого – чтобы не повредить валик.

– Готовьте послания Святому Николасу, или Деду Морозу, или как там его полное имя, – сказал он детям, когда они вернулись в гостиную, пахнущие зубной пастой и свежей, чистой фланелью.

Первой печатала свое послание Джилл, она делала пальцем один *клац* за один подход: буква за буквой, клавиша за клавишей.

дорогой сантаа клас благодарю тебячто прешол опять и
спасибо за докторский чемоданчик и куклу Ханни Уокер^[17]
которые ты мне подариш веселого раждества с любовью
ДЖИЛЛ БЬЮЭЛ

Дейви потребовал для себя отдельный лист. Чтобы Санта не запутался, объяснил он Джилл. Получив два листа бумаги, Дейви вставил их в машинку, подровнял и сделал несколько пробных ударов.

12/24/53

Дорогой Санта Клауз.

Моя сестра Джилл верит в тебя и я. Тоже. как ранше.
Ты знаешь что я хочу получить на рождество и поверь ты
еще НЕ РАЗУ МЕНЯ НЕ ОГАРЧИЛ!.. Конечно мы оставили тебе
холодное молоко и здобу, так называется печенье. На
будущий год приготовь подарки для малышки Конни она
уже подростет Хорошо????? Если молоко теплое охлади его
пальцем.

ДЭВИД ЭЙМОС БЬЮЭЛ

Дейви оставил свое письмо в пишущей машинке, повернув ее к камину, чтобы Санта непременно увидел послание.

– Вам, ребята, надо бы разложить подарки под елкой стопками. Чтобы утром сподручнее было открывать, – сказал Вирджил.

Санта всегда оставлял заказанные ему подарки (приобретение которых было священной обязанностью Вирджила) уже распакованными, чтобы дети с утра пораньше занялись играми, а Вирджил и Дел могли спокойно выпить по чашке кофе. Семейные же подарки, которые присылали из разных мест – от далекого Урбана, штат Иллинойс, до соседнего Холтс-Бэнда – дядя Гас и тетя Этель, дядя Эндрю и тетя Мари, Гогги и Дедушка, Бабуля и Лео, копились в красочных упаковках под елкой; с каждым, считай, заездом в местное почтовое отделение их число увеличивалось.

Дети разделили подарки на две стопки, для Дейви и для Джилл, согласно указанным именам, потом убрали грампластинки в конверты и поставили на полку. Дел попросила Джилл настроить большой комнатный радиоприемник на волну, передающую рождественские песни, но без оленя с красным носом.

Печенье испекли накануне, двадцать третьего декабря. Джилл убрала его в «Кельвина-тор», а сейчас выложила на тарелку. Дейви наполнил высокий стакан молоком, дети отнесли угощение к журнальному столику и поставили рядом с пишущей машинкой. Теперь наступила игра в ожидание. Пока по радио звучали рождественские гимны, прославлявшие волхвов, святую ночь и рождение Иисуса, Джилл вновь забралась на колени к отцу, а Дейви подложил в камин еще одно поленце.

Чуть позже Вирджил отнес спящую дочь в кроватку, бережно укрыл одеялом и восхитился нежности сомкнутых век его девочки и губ, которые были идеальной миниатюрой губ Дел. На диване в гостиной сидел Дейви, прильнув к матери, а та перебирала пальцами его волосы.

– Джилл заглотила наживку, – сказал сын.

– Ты прекрасный старший брат, – похвалила его Дел.

– Скажешь тоже. Любой на моем месте сделал бы то же самое. – (Дейви смотрел в камин.) – Когда Джилл у меня спросила, действительно ли Санта существует, она будто не решалась спросить у тебя и хотела, чтобы это осталось нашей тайной. Я даже задергался.

– Как же ты вышел из положения, милый?

– Я придумал план. Запастись ответами на все ее вопросы. Как Санта успевает прийти в каждый дом? У него походка очень быстрая, да и домов поблизости не так уж много. А если у людей нет дымохода? Он может проникнуть через печку или топку.

– Прикоснуться к молоку, чтобы его охладить, – прошептала Дел, нежно убирая волосы с мальчишеского лба. – Это умно. Так находчиво.

– А что такого? Он же может творить чудеса.

– Скоро тебе придется изобрести нечто похожее для Конни.

– Обязательно. Теперь это моя работа.

Под звуки рождественского гимна, исполняемого на латыни Бингом Кросби^[18], Вирджил опустил в «папино кресло».

– Пап, а как устроено радио? – спросил Дейви.

В четверть одиннадцатого Дейви ушел спать, объявив, что это, наверное, был самый лучший сочельник на свете.

– Сварить кофе? – предложила Делорес.

– Хорошо бы, – сказал Вирджил, последовал за женой на кухню и, прежде чем она достала банку кофе, поцеловал.

Дел ему ответила, и оба знали, что это одна из причин, которые держат их вместе. Поцелуй оказался неожиданно долгим, а когда закончился, они улыбнулись друг другу. Пока Дел готовила кофе, Вирджил стоял рядом с ней у плиты.

– Может, на будущий год поедем ко всеобщей, – помечтала Делорес. – А то дети у нас далеки от Бога.

– Только Дейви, – усмехнулся Вирджил.

Дейви родился через семь месяцев после их свадьбы.

– Ночная месса такая красивая.

– Выдержат ли они целую ночь без сна? А поездка до церкви Святой Марии? Как бы мы доехали, например, сегодня, когда все дороги замело?

– Но Макэлени же как-то справляются.

– Рут Макэлени просто чокнутая. Эд не смеет ей и слова поперек сказать.

– И все же. Свечи. Музыка. Так трогательно.

Она знала, что в ближайшие годы они непременно начнут посещать ночную мессу. Не потому, что муж боится ей перечить, а потому, что любит исполнять ее желания. Но сейчас достаточно было и того, что они сели пить кофе в тишине уютной кухни заснеженного дома и муж накрыл ладонью ее руку.

Надев галоши и теплую куртку, Вирджил отворил входную дверь ровно настолько, чтобы выскользнуть в темноту. Снегу намело не менее трех дюймов. С непокрытой головой он направился к багажнику «плимута» забрать щедрые дары Санты. Чтобы не упасть на заледеневшей тропинке, Вирджил перенес пакеты в два захода. Захлопнув багажник, он ненадолго задержался, провожая последний час перед Рождеством пятьдесят третьего. Да, ночь холодная, но Вирджил видал и похолоднее.

Ступал он с осторожностью, чувствуя фантомную боль в том месте, где раньше была его левая голень. Пять шагов до крыльца он проделал без остановки.

Дел положила набор «Юный доктор» рядом со стопкой сокровищ Джилл. Для Ханни Уокер, которая умела ходить, «как настоящая девочка», требовались батарейки. Санта и об этом позаботился. А Дейви утром обнаружит космодром с вышками, солдатами и пружинными пусковыми установками: Вирджил заранее произвел сборку и сделал пробный запуск. Конни ожидал новый игровой коврик с набором кубиков, доставленных прямиком с Северного полюса. Когда все было готово и Ханни Уокер сделала пробные шаги, Вирджил и Дел сели рядышком на диван и поцеловались еще немного.

На какое-то время их руки сплелись в тишине и покое. Полюбовавшись огнем в камине, Дел встала.

– Едва держусь на ногах, – призналась она. – Постарайся ответить без задержки, дорогой. И передай ему мой сердечный привет.

– Хорошо. – Вирджил посмотрел на часы. Было около половины двенадцатого.

В семь минут первого тишину пререзал телефонный звонок. Вирджил, как и обещал жене, сразу снял трубку.

– С Рождеством, – поздравил он.

Ответила телефонистка:

– Междугородный звонок: Эймос Болинг вызывает Вирджинию Бьюэл.

– Благодарю вас, барышня. Соедините.

Девушка на коммутаторе, как обычно, переврала его имя.

– Сэр, ваша собеседница на линии, – сказала телефонистка и щелкнула переключателем.

– Спасибо, милая, – поблагодарил звонящий. – С Рождеством тебя, Девственник⁶.

Вирджил улыбнулся, заслышав свое прозвище. По милости Эймоса Болинга все подделение называло его Девственником.

– Бад, где ты, черт возьми?

– В Сан-Диего. Но еще вчера был в Мексике.

– Да ты гонишь.

– Всего пару слов, Девственник. В Мексике на каждом шагу забегаловки и бордели. Жарко, благодать. А у вас в Догпэтче много снега намело?

– Бывало и хуже. Но у меня отличный камин, не жалуюсь.

– Делорес все еще тебя терпит?

– Передавала тебе привет.

– Везучий ты сукин сын, эта девчушка могла бы сделать партию и получше.

– Знаю, но помалкиваю.

⁶ Virgin (англ.) – по созвучию с именем Вирджил.

Мужчины рассмеялись. Эймос Болинг по прозвищу Бад однажды пошутил, что в тот момент, когда Вирджил Бьюэл по прозвищу Девственник увел у всех из-под носа Делорес Гомес, смысл жениться отпал раз и навсегда. В ту пору, тринадцать с лишним лет назад, любой в подразделении мог бы подкатить к Делорес. Эрни, Клайд, Боб Клэй, оба Джонни – все они могли бы с ней замутить, не опереди Вирджил их всех. На танцах в клубе Красного Креста было не протолкнуться от солдат, матросов и летчиков; Вирджилю захотелось выбраться из толпы на свежий воздух. Он вышел сделать пару затяжек и сам не заметил, как дал прикурить кареглазой девушке по имени Делорес Гомес. Всю ночь напролет они с ней танцевали, смеялись, ели блинчики, запивая их кофе, и целовались. С наступлением утра две жизни изменились навсегда.

Бад так и не женился, и Вирджил понимал, что однопольчанину ничего не светит. И вовсе не потому, что тот упустил Делорес. Вирджил давно просчитал, что Бад относится к тому же типу мужчин, что и младший брат отца, дядя Рассел. С ним Вирджил был едва знаком и в последний раз виделся на похоронах бабушки. В тот долгий день Рассел приехал из Нью-Йорка с другом по имени Карл, который обращался к нему «Расти». После поминальной службы, погребения и домашнего ужина, который закончился кофе с пирогом, Карл и Расти – как были, в траурных костюмах, – за полночь укатили обратно в Нью-Йорк. Вирджилю запомнилось, как отец впоследствии пробурчал себе под нос, что его младший брат никогда не питал к женщинам ни слабости, ни страсти. У Бада Болинга была масса слабостей и пара страстей, но, как и в случае с Расселом, все это не имело отношения к женщинам.

– Короче, – вернулся к разговору Вирджил, – как поживаешь, Бад?

– Все путем, все путем, – ответил Бад. – Перебрался сюда три месяца назад из северного пригорода Сакраменто. Это столица штата, как тебе известно. Купил подержанный «бьюик» – и вперед. Городок приятный. Военно-морская база. Каждый таксист представляется ветераном Перл-Харбора.

– Где-то работаешь?

– Только если уж совсем припрет.

– Знаю, что говорю это каждый год, но послушай: в моем магазине есть для тебя местечко. По правде говоря, в нынешних обстоятельствах ты бы мне очень пригодился.

– Дела идут в гору?

– Заказов полно, Бад, вкалываю шесть дней в неделю.

– Адские муки.

– Кроме шуток, Бад. Поработаешь со мной – обеспечишь себя на годы вперед.

– Я давно себя обеспечил.

– Буду платить тебе больше, чем ты стоишь.

– Да я гроша ломаного не стою, Девственник. Ты же знаешь.

Вирджил рассмеялся:

– Тогда в гости приезжай. Летом. Запрыгивай в «бьюик» – и махнем на рыбалку.

– У вас, у деревенских, одна рыбалка на уме.

– Просто повидаться охота, Бад. И Дел обрадуется. Малыш Дейви будет на седьмом небе от счастья.

– Может, на будущий год.

– Да ты каждый раз так говоришь. – Вирджил не отступался. – Приезжай нас проведать, Бад. Съездим на ночную мессу. Помолимся за наших парней.

– За кого надо, я уже помолился.

– Слушай, прекрати. В следующем году десять лет будет.

– Десять лет? – Бад подождал, чтобы исчезли помехи дальней связи. – Десять лет кому? Десять лет чему?

Вирджил почувствовал себя идиотом.

Боб Клэй был подстрелен в Нормандии в тот же день, когда Эрни, раненный в правое бедро, истек кровью. Никто не понял, что у него разорвана артерия, потому что кровь не растекалась лужицей, а сразу впитывалась в сырую землю. И никто этого не замечал. Ему не оказали должной помощи, так как немцы атаковали с противоположного края густой лесополосы французского бокажа^[19]. Под мощным обстрелом невидимого противника подразделение битый час не могло сдвинуться с места.

Два взвода, в которых служили Бад и Вирджил, отправили вырубать корни и деревья – при отсутствии гранат задание практически невыполнимое. В конце концов, обойдя противника с фланга, они перебили всех фрицев, но какой ценой... Капрал Эмери, непосредственный командир Бада, был буквально разрезан пополам очередью немецкого пулемета. Вирджил не сумел оказать первую помощь сержанту Каслу, который получил в грудь три пули, раздробившие позвоночник. Берк был смертельно ранен в голову, а рядовому Коркорану оторвало руку по самое плечо. Парня доставили в лазарет. Удалось ли спасти ему жизнь, никто не знал.

Через неделю пропал без вести Джонни-бой, а его тезка тронулся умом; ребята из их подразделения один за другим попадали в списки боевых потерь. В течение почти двух месяцев, с начала июня и до первых дней августа, взвод либо участвовал в боях, либо двигался к линии фронта. Бада повысили до капрала, а у Вирджила от ежедневного сухого пайка стали гнить зубы.

На пятьдесят девятый день подразделение отправили на отдых в палаточный лагерь на территории Франции; там были койки с шерстяными одеялами и относительно теплый душ, горячая еда и столько кофе, сколько мог влить в себя простой солдат. Вскоре большую палатку приспособили под кинозал. Клайда, как прилично владеющего французским, перевели в разведку. В небе теперь барражировали самолеты британских и американских ВВС, поступали вести, что решающее сражение выиграно, что немцы бегут и что к Рождеству всех парней распустят по домам. В часть присылали новобранцев; их нужно было обучить и подготовить. Бад никого не щадил, а Вирджил отказывался запоминать их имена.

В середине сентября подразделению выдали новую форму, новое оружие и повезли в Голландию для наступления. В темноте столкнулись четыре грузовика. Пятеро солдат погибли, трое были тяжело ранены. Грузовики отремонтировали и с восходом солнца отправили дальше. Через три дня, на рассвете, их неожиданно накрыли немцы. Командный пост был взорван, завязался бестолково-хаотичный бой, в котором Вирджил и Бад плечом к плечу били врага. По чистой случайности вблизи оказались три танка, британские «кромвели», которые шумно атаковали немцев и одержали верх. Многие новобранцы встретили свою смерть в первом же бою; большая часть происходящего не имела никакого смысла, вообще никакого.

Потеряв счет дням, Вирджил очнулся во Франции, где и он, и Бад спали, спали и спали. Гуляли вокруг огромных соборов, играли в футбол. Смотрели выступления кинозвезд. Рядом с казармами стоял бордель под названием «У мадам Софи». В то время как большинство офицеров отправлялись в увольнение, чтобы провести трое суток в Париже, Бад и Вирджил вместе со «стариками» в любую погоду муштровали новобранцев. А по вечерам смотрели новые киноленты.

Наступил самый морозный за всю историю декабрь, и немцы вторглись в Бельгию. Ночью все подразделение погрузили в машины, провезли на бешеной скорости сквозь тьму и высадили на дороге, где-то между Парижем и Берлином. Вирджил поблагодарил одного сочувствующего водителя – цветного парня, который дал ему пачку «Лаки страйк» и пожелал Божьего благословения.

Дальше они шли по дорогам, по заледеневшим полям и проложенным в снегу тропам, перетаскивали боеприпасы и провиант для себя и для тех, кто уже вышел на передовую. Вдалеке Вирджил смог разглядеть яркие вспышки взрывов, напоминавшие фейерверк в честь Дня независимости. Морпехи, которые теперь сражались с ними в одном строю, потеряли много своих, когда продвигались вперед, чтобы создать у немцев иллюзию, будто в наступление идет целая дивизия. Уловка сработала. Но солдат полегло немало.

В лесах Бельгии Вирджил и Бад вместе с подразделением попали под артобстрел; нескольких парней разорвало ударами снарядов. Дальше их часть направили другой дорогой, через окрестности Бастони. Они шагали мимо церкви, где были аккуратно сложены штабелями павшие солдаты, мимо инвалидов, мимо никчемных танков с разорванными гусеницами; встретили фермера, пасущего пару коров, жующих стог сена. Фермер и коровы, казалось, не замечали ни немцев, которые пытались вернуть порт в Антверпене, ни творящуюся вокруг неразбериху. Холод пробирал до мозга костей. С этим ничего нельзя было поделать. Несколько солдат замерзло насмерть. Были и те, кто из-за постоянного недосыпа тронулся умом, их пришлось отправить обратно в Бастонь. Надеялись, что они смогут прийти в себя и вернуться обратно в строй, в этот холод.

Молодой новобранец – рядовой какого-то взвода, какой-то роты – стоял на посту. Вирджил сидел в окопе, выстланном внизу сосновыми иголками и накрытом ветками, укутавшись в казенное одеяло. Сном это можно было назвать с большой натяжкой. В кулечке лежали считанные фруктовые карамельки; он положил в рот сразу две. Осталась одна; Вирджил встал с ледяного пола и протянул ее новобранцу.

- Подарок на Рождество, – прошептал Вирджил.
- Спасибо, Девственник.
- Сынок, еще раз скажешь «Девственник», и я тебе врежу.
- Ты разве не Девственник?
- Для такого салаги, как ты, – нет.

Окоп был в крайнем левом лесочке, на подъеме росло два дерева, при дневном свете можно было разглядеть голое поле бельгийского фермера и прямо за ним цепочку домов, стоящих вдоль узкой дороги, ведущей на северо-восток. Ночью была только пустота. Предполагалось, что немцы засели где-то внизу.

Остальная часть подразделения расположилась в окопах и укрытиях с правой стороны. По плану здесь должна была находиться главная линия обороны. На самом деле идея военного штаба была так же смехотворна, как и мечта выспаться. Оборона была настолько слабой, что впереди за деревьями не было разведывательного поста. Тыл был укреплен из рук вон плохо. У тяжелой артиллерии осталось всего несколько снарядов. Полевая кухня отсутствовала, питались сухим пайком.

За то время, когда они шли через Бастонь, Вирджил вырыл в мерзлой земле и покрыл ветками уже седьмой окоп. Ему это порядком надоело. Передвижение на новую позицию означало, что придется опять взвалить на себя все снаряжение и тащить его неизвестно сколько, рыть окоп и строить новое укрепление, работать до седьмого пота, который на морозе превращал солдатскую форму в корку льда. От обморожения погибло больше солдат, чем от вражеского огня. Некоторым удалось вырваться из окружения. Тем, кто в ту пору был не сильно покалечен.

Вирджил не желал быть одним из них. Он держал запасную пару носков, связанных друг с другом, одетых на шею и висевших под формой до самых подмышек. Тепло его тела, или все, что от него осталось, должно было не дать им замерзнуть. Вирджил уповал на то, что эта запасная пара сухих носков поможет ему избежать обморожения. А также надеялся, что

Гитлер придет через поле, размахивая белым носовым платком, – лично сдать рядовому первого класса Вирджилю Бьюэлу. Сразу после Риты Хейворт, которая зайдет ему отсосать.

– Кофейку бы сейчас, – прошептал рядовой.

– Знаешь что, – прошептал в ответ Вирджил. – Я разведу огонь и процежу пару котелков воды. А еще у меня есть готовая смесь для торта, закатим для всех пирушку, а теперь заткнись, чертов ты придурок.

– *Бабочка. Бабочка!* – Резкий шепот донесся из темноты слева от окопа, это был пароль на сегодня.

– *Маккуин!* – прошипел в ответ Вирджил.

Через секунду сержант Бад Болинг упал в окоп, без оружия. Днем он пытался заснуть, сидя в своем окопе. С наступлением темноты Бад молча, в одиночестве, бродил по линии фронта, возвращался при дневном свете и, прежде чем снова залечь в свое убежище, сообщал на КП обо всем, что видел.

– Фрицы. Двадцать пять человек. А ты еще кто, черт возьми? – Бад обратился к новичку, рядовому. Прежде чем тот ответил, Бад кинул: – Не важно, – и отдал приказ: – Дай мне винтовку и беги на КП, скажи, что фрицы пытаются зайти слева.

Рядовой от удивления выпучил глаза. Боевого крещения он пока не получил. Когда паренек рывком выскочил из окопа, Бад повторил: фрицы пытаются атаковать с левого фланга.

Паренек исчез. Бад зарядил винтовку М-1 и положил запасные патроны в куртку.

Вирджил поднял собранный пулемет, приладил треногу и установил на левой стороне окопа.

– Девственник, я оказался прямо у них под носом.

– Они заметили?

– Ни один фашистский гад меня не заметит.

Мужчины перешептывались с уверенностью опытных солдат, а не как двадцатилетние юнцы, хотя в их случае одно не исключало другого.

В темноте раздался треск льда под сапогами.

– Задай им жару, – прошипел Бад.

Рядовой первого класса Вирджил Бьюэл нажал гашетку пулемета и выпустил очередь в колонну вражеских солдат, дав им сперва подойти вплотную. Пока остальные парни хватались за оружие, частые всполохи и красные пулеметные очереди осветили человеческие фигуры и стволы деревьев. Мощные взрывы атаки озарили лес, и слабая линия обороны превратилась в непроницаемую стену. На фоне вспышки, похожей на вспышку камеры, установленной на боксерском ринге, Вирджил увидел, как шлем немецкого солдата взрывается облаком капель кроваво-красного тумана и влажных ошметков того, что осталось от человеческой головы.

Немецкие солдаты быстро рассредоточились и начали массовый обстрел.

Бад поднялся достаточно высоко, чтобы прицелиться, и выпустил полную обойму в сторону немцев – восемь непрерывных *БАМС*, попавших точно в цель, – пока не донесся характерный «клик-кляк»: патроны закончились. Инстинктивно Бад перезарядил винтовку и снова поднялся, как вдруг кто-то, ломая сосновые ветки, свалился к ним в окоп.

Падая, немец продолжал стрелять, он попал Вирджилю в левое колено, и тот ничего не почувствовал. Второй выстрел жалом шершня обжег ему пальцы левой руки.

– Сука! – завопил Бад и со всей силы ударил прикладом винтовки немцу в челюсть. – Сдохни! – закричал он, нанося еще один удар.

Кто-то начал запускать сигнальные ракеты, озарившие лес короткими вспышками яркого света, и Бад увидел, что у немца сломан нос и разбита челюсть, он лежал с закры-

тыми глазами и не шевелился. Бад развернул винтовку, направил дуло в грудь противнику и, дважды спустив курок, оборвал человеческую жизнь.

– На одного ублюдка стало меньше, – бросил он в сторону мертвого врага.

Небольшая резервная группа американских солдат пошла в наступление; немцы не смогли заставить их врасплох и теперь несли тяжелые потери. Преследование продолжалось, даже когда немцы отступили. Вирджил прекратил огонь и сложил пулемет, чтобы присоединиться к наступлению, но понял – что-то не так. Рука его была липкой, а нога не шевелилась.

– Нога онемела! – закричал он.

Пытаясь подняться, Вирджил упал назад, на безжизненное тело немецкого солдата. Он снова попытался встать, но его левое колено согнулось в обратную сторону, Вирджил не понял, что произошло. К счастью, рядом был Бад. Но вместо того, чтобы поставить Вирджила на ноги, Бад присел на корточки, приподнял друга за плечи и вытащил наружу.

Вот сколько всего Вирджил вспомнил о сочельнике сорок четвертого. Который он провёл в беспмятстве, где-то между окопом и лазаретом.

Вирджил чувствовал себя последним идиотом.

Десять лет были для него сродни юбилею, потому что война закончилась для рядового первого класса Бьюэла в канун Рождества 1944 года. Он очнулся в бастонском лазарете после того, как подошли американские танки, сокрушившие немецкое наступление. Несколько дней спустя он очнулся уже в полевом госпитале во Франции. А еще через пару недель его, как и тысячи раненых, разместили в одной из больниц Англии. Когда Германия капитулировала и в Европе закончилась война, Вирджил начал думать, что он везучий сукин сын. Ну, допустим, остался без левой ноги, ампутированной выше колена, три пальца левой руки превратились в обрубки, забинтованные так плотно, что вся повязка напоминала боксерскую перчатку. Зато два больших пальца, одна здоровая нога, зрение и мужское естество остались при нем. По сравнению с большинством парней, что валялись в этих госпиталях или плыли на корабле домой, Девственник чувствовал себя так, будто сорвал куш в ирландской лотерее^[20] 1945 года. Единственное, чего ему было нестерпимо жаль, – это обручального кольца, потерянного где-то в бельгийских лесах.

Эймос Болинг по прозвищу Бад остался в Германии добровольцем, что означало продление срока службы еще на полгода после окончания войны. В то время как Вирджил заживал раны, Бад атаковал линию Зигфрида^[21] и продолжал сражаться на территории нацистской Германии. Он участвовал в битве за Рейн, а потом в заключительной битве на Эльбе и прошагал самыми отдаленными уголками на юге Германии, где не было никаких признаков свирепствующей вокруг войны. За пять с половиной лет он не получил ни единого ранения, но своими глазами видел множество убитых и раненых. Бад тоже убил немало фашистов, зрелых мужчин и совсем еще мальчишек. Он не щадил даже тех, кто хотел сдаться в плен, чтобы остаться в живых. В глазах Бада Болинга не было жалости. Восемнадцать немецких офицеров были застрелены им лично, по одному, или по двое, или даже по трое за раз, на обочинах дорог и под кронами деревьев, в стенах фермерских домов и на открытых полях. Бад убивал только из своего револьвера сорок пятого калибра; ему хотелось вырвать у этой войны правосудие, и в этом был только ему понятный смысл.

В августе 1945 года Бад убил своего последнего немца. Он услышал разговоры о том, что какой-то местный житель, бывший нацистский чиновник, скрывается под именем Германа Вольфа. Бад нашел этого человека, стоящего в очереди беженцев, которые надеялись вернуться в свои родные города в разных частях страны, бывшей некогда Третьим рейхом. Когда Герман Вольф предъявил свои бумаги, Бад приказал ему выйти из очереди. За низкой кирпичной стеной Бад вытащил свой револьвер и прострелил Вольфу шею, а потом невозмутимо стоял над бывшим нацистом, пока тот дергался в предсмертных конвульсиях.

Бад Болинг никогда об этом не упоминал. Он не рассказывал о лагерях, которые видел. Вирджил не знал всех подробностей. Но догадывался. Он замечал изменения, которые произошли в его друге, какую-то внутреннюю опустошенность.

– Бад, долго ты пробудешь в Сан-Диего?

– Неделю, а может, год. Может, на Новый год в Лос-Анджелес подамся, успею посмотреть тамошний грандиозный парад.

– Парад роз?^[22]

– Да. Как пить дать, будет шикарное зрелище. Мог бы спросить, куда подашься ты, но думаю, ответ известен. Будешь торчать в своем магазине шесть дней в неделю.

– Я люблю свою работу, Бад. Не знаю, мог бы я слоняться, как ты, туда-сюда.

– Девственник, мне легче удавиться, чем жить по расписанию.

Мужчины засмеялись.

– С Рождеством тебя. Если когда-нибудь выберешься к нам, будем очень рады.

– Всегда приятно потрепаться с тобой, Девственник. Рад, что ты – счастливый человек.

Ты это заслужил.

– Спасибо тебе, Бад.

– На носу тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год. Подумать только. Ты встретишь его вместе с Дел, Дейви, и Джилл, и Конни? Правильно я запомнил малышку?

– Да, все верно. Конни.

– У Девственника Вирджила трое детей. Вроде знаю биологию, но реальность – та еще загадка, холера ей в бок...

Мужчины обменялись поздравлениями, еще раз попрощались и закончили разговор. Чтобы через год созвониться опять.

Всю ночь Вирджил сидел в тишине и смотрел на огонь. Потом выбрался из своего любимого кресла и погасил пламя: Дейви понадобятся угли для розжига святочного полена. Нашупал вилку от рождественской гирлянды и выдернул ее из настенной розетки большим и указательным пальцами, придерживая кулечей левой руки. В последний момент вспомнив кое-что еще, Вирджил остановился перед блюдом, где лежало печенье для Санта-Клауса, и сжевал три штуки. После недолгих колебаний надкусил четвертое и положил обратно, а потом сделал несколько глотков чуть теплого молока.

В темноте он нашел лестницу и поднялся шаг за шагом, подтягивая к правой ноге левый ботинок. Посмотрел на старших детей и на малышку Конни в кроватке, придвинутой к родительской постели. Дел всегда раскладывала ему пижаму, поэтому, сняв брюки и отстегнув ремни и пряжки, он прислонил протез к стулу и сразу натянул пижамную куртку и штаны.

Коротким рывком Вирджил втянул себя на кровать. Привычно нашел в темноте губы Дел и накрыл их нежным поцелуем, а жена замурлыкала во сне. Вирджил укрылся, натянув на себя простыню, два тяжелых одеяла и толстое стеганое покрывало. После долгого дня он положил голову на подушку и наконец закрыл глаза.

Как это случалось почти каждую ночь, перед ним на какую-то долю секунды возник образ солдатского шлема, взрывающегося в облаке мелких капель кроваво-красного тумана. В поле зрения появились сырые ошметки того, что осталось от человеческой головы.

Вирджил заставил себя думать о чем-нибудь другом, не важно о чем. Перебирая в уме образы, он остановился на видении Бада Болинга – юноши лет двадцати, стоящего в теплом солнечном свете на калифорнийской улице, в толпе улыбчивых людей, которые приветствуют движущиеся платформы, украшенные розами.

Промотур в Городе Света

«Съешь еще этих мягких французских булок да выпей же чаю».

Ого, действительно, все клавиши работают!

Что, черт возьми, произошло? Кто я сегодня? Предположительно, все еще Рори Торп, но кто он такой?

Вчера вечером – прошло всего ничего – я был парнем из убойного фильма, что у всех на устах; этот парень засветился с гламурной красоткой и продемонстрировал подтянутые ягодицы. В главных городах Европы – и Америки – со мной носились, как с политиком, усаживали в лимузины, доставляли в парадные залы, где толпились фотографы и сыпали вопросами репортеры. Я махал рукой морю людей, и многие махали мне в ответ, хотя понятия не имели, кто я такой, хотя, по сути, я никто, ничто и звать никак. Впрочем, в моем распоряжении есть... некоторые документы... раскрывающие СВЕРХСЕКРЕТНОЕ КОДОВОЕ ИМЯ УИЛЛЫ САКС (Элинон Флинтстоун, не как-нибудь!).

Я уже 2 дня брал штурмом город Париж, оставался еще 1, и на этот 3-й день планировались ФЕЙЕРВЕРКИ! Мне все было оплачено. Прикид выдали бесплатно. Я мог в любую минуту попросить сэндвич, хотя при моей загруженности куснуть удавалось пару раз, не более. Но сегодня утром все закончилось. В установленное время нужно освободить номер. Это плохо. Отель весьма приличный. Бывшее логово нацистов.

Ценный практический совет: путешествуя по Европе, останавливайтесь в местах с нацистским прошлым. В Риме это бывший гестаповский штаб. Номера просторные. Высокие потолки. Прекрасный сад. В Берлине отель сровняли с землей русские, когда выбивали оттуда нацистов. В знак своей победы красные в таком виде его и оставили, как, впрочем, и почти все остальное в этом районе Восточного Берлина. После сноса Берлинской стены отель подняли из руин и отвели в нем особую комнату для курения сигар. Старушку-гостиницу в Лондоне разбомбило люфтваффе где-то в промежутке между роскошествами нацистов в Риме и пинком под зад, который они вскоре получили от Красной армии. С 1973 года там обедает сама королева.

Итак, штаб германского оккупационного командования размещался в этом парижском отеле. Говорят, на каком-то из балконов Гитлер пил кофе, перед тем как отправиться на автомобильную экскурсию по завоеванному Городу Света.

Все это не стоило мне ни гроша, включая проживание в отелях Лос-Анджелеса, Чикаго и Нью-Йорка: студия раскошелилась, поскольку я – Калев Джексон в фильме «Кассандра Рэмпарт – 3: Страх на пороге». (Кассандра Рэмпарт, она же Уилла Сакс, она же Элинон Флинтстоун!)

3-й день моей халявы – пардон, моего рекламного тура – мог бы стать очередным улетным приключением. Но не тут-то было: пришлось паковать чемоданы и к часу дня – пардон, к тринадцати ноль-ноль – выметаться...

КОМУ: РОРИ ТОРПУ

КОПИИ: АЙРИН БЕРТОН, etc

ОТ: АННЕТТ ЛАБУ

ТЕМА: ГРАФИК ПРЕСС-МЕРОПРИЯТИЙ В ПАРИЖЕ

Добро пожаловать в Париж!

Мы понимаем, что ты наверняка очень устал, но хотим сообщить, что с огромным воодушевлением занимаемся подготовкой к выпуску фильма «Кассандра Рэмпарт – 3: Страх на пороге» на экраны Франции! По

сообщениям наших коллег из Рима, Берлина и Лондона, фильм произвел небывалый фурор... **благодаря тебе!**

Наши рейтинги **сильны**, всего на 3 позиции отстают от «Кассандры Рэмпарт – 2: Агент перемен» и всего на 10 – от «Кассандры Рэмпарт: Начало». Для сиквела это просто фантастические рейтинги! Похоже, зрителей не оставляет равнодушными сексуальное напряжение между Кассандрой и Калемом.

Мы все считаем, что Франция – хорошее пространство для этого фильма, поскольку вселенная Кассандры Рэмпарт приобрела впечатляющее количество фанатов в социальных сетях.

Возможно, Айрин Бертон и отдел маркетинга уже объяснили тебе, что во Франции запрещена проплаченная телереклама фильмов, – по этой причине, как ты, вероятно, заметил, здесь наблюдается некоторый рост числа интервью в прямом эфире. Для французского рынка такие интервью принципиально важны. Ты **так хорошо** себя проявил в турне по США, равно как и в Риме/Берлине/Лондоне, что, несомненно, **разогрелся!**

Хорошего отдыха!

Ниже приводится график на следующие три дня (для Элинор Флинтстоун составлен индивидуальный график).

ДЕНЬ 1-й

1:10 (приблизительно) – Прибытие из Лондона в аэропорт Шарль де Голль. Трансфер в отель.

7:10 – Прическа и макияж в номере 4114.

7:40–8:00 – Прямой эфир в «Nosotros Cascauates!».

Это самая популярная в Испании утренняя передача для молодежи (в интернете 4,1 миллиона просмотров). Команда прибыла в Париж ради «КР-3:СНП».

8:05 – Переход в Медиацентр на 3-м этаже.

8:15–8:45 – Круглый стол печатных СМИ № 1 (ок. 16 изданий. Список имеется).

8:50–9:20 – Круглый стол печатных СМИ № 2 (ок. 16 изданий. Список имеется).

9:25–9:55 – Круглый стол печатных СМИ № 3 (ок. 16 изданий. Список имеется).

10:00–10:30 – Круглый стол печатных СМИ № 4 (ок. 16 изданий. Список имеется).

10:35–11:05 – Круглый стол печатных СМИ № 5 (ок. 16 изданий. Список имеется).

11:10–11:40 – Круглый стол печатных СМИ № 6 (ок. 16 изданий. Список имеется).

11:45–11:50 – Неформальное общение, фотосессия (для США).

ПЕРЕРЫВ

12:00–13:00 – Мини-интервью для авторитетных блогеров (от трех до пяти минут каждое). Авторитетные блогеры имеют свыше 1,5 млн подписчиков. У каждого авторитетного блогера есть индивидуальные запросы для своих постов. Длительность мини-интервью не превышает пяти минут.

13:05–14:00 – Фотосессия на крыше отеля. (Примечание: Элинор Флинтстоун присоединится на последние десять минут.)

14:05–14:45 – Обед/интервью для «Пари-матч». (Примечание: с участием фотографа.)

14:50–15:00 – Радиоинтервью для TSR-1.

15:05–15:15 – Радиоинтервью для RTF-3.

15:20–15:30 – Радиоинтервью для FRT-2.

15:40–16:00 – Неформальное общение за чашкой кофе с представителями избранных интернет-сообществ (ок. 20), имеющих не менее 3,5 млн подписчиков (список предоставляется по требованию).

16:05–16:10 – Коррекция визажа.

16:15–16:45 – Прямое включение с балкона для бельгийской телепрограммы «PM TODAY». (Примечание: Элинор Флинтстоун присоединится в 16:30.)

17:00 – Трансфер автомобилем в «Studio du Roi» для съемки рекламного ролика авиакомпании «Air France». Показ будет вестись на всех международных рейсах в целях рекламной поддержки премьеры «KP-3:СНП». Продолжительность съемки – ок. 3 часов.

20:00 (приблизительно) – Трансфер автомобилем в ресторан «Le Chat». Ужин, организованный U.P.I.C. (Примечание: с участием фотографа.)

После ужина можно либо задержаться, либо вернуться в отель.

Рори Торп возблагодарил свои счастливые звезды за Айрин Бертон – вот уже два года звезды были к нему необычайно милостивы. Он снялся в фильме не с кем-нибудь, а с Уиллой Сакс – самой Кассандрой Рэмпарт! Впервые в жизни открыл счет в банке! И вдобавок сейчас на халяву болтается по Европе! При этом единственное, что от него требуется, – это кое-какие интервью! От его восторгов Айрин Бертон про себя хохотала до колик.

За свои шестьдесят шесть лет Айрин успела поработать в сфере маркетинга на всех шести ведущих киностудиях, а теперь, практически отойдя от дел, приобрела виллу в Окснарде – достаточно далеко от Голливуда, чтобы не подвергаться ежедневным стрессам шоу-бизнеса, но достаточно близко, чтобы выручить организаторов какой-нибудь горящей пиар-кампании. Восемь лет назад она сопровождала молодую, красивую, талантливую актрису в пресс-туре жуткого фильма «Деменция 40», который с треском провалился в прокате, но сейчас стал легендой, так как открыл зрителям молодую, красивую, талантливую Уиллу Сакс. В течение нескольких лет газетчики называли ее «Уилла Секс», что вполне уместно, однако теперь Уилла превратилась в Кассандру Рэмпарт, целую индустрию одной-единственной женщины, которая выпускает собственную линию одежды для фитнеса, содержит приют для домашних питомцев, оставшихся без попечения, и возглавляет фонд по борьбе с неграмотностью в странах третьего мира. В мировом масштабе сборы от первых двух фильмов о Кассандре Рэмпарт составили 1,75 миллиарда долларов. А Уилла Сакс не только заработала на каждом из фильмов 21 миллион плюс проценты, она еще и заработала репутацию.

– Айрин, – сказала по телефону Уилла Сакс, – вы должны мне помочь.

– Что такое, детка? – Ко всем молодым актерам она обращалась «детка».

– Рори Торп – непроходимый тупица.

– Кто такой Рори Торп?

– Парень из моего последнего проекта. Я только что посмотрела его ЭПП. – (Электронная пресс-подборка – это отредактированное студией интервью, предназначенное для распространения в СМИ перед выпуском фильма.) – Чуть ли не каждый его ответ начинается так: «Ну, как бы... Типа, это...» У нас на носу промотур, но я не могу разъезжать по всему

свету с этим болваном в качестве моего партнера. Нужно вбить ему в башку, чего нельзя делать ни при каких условиях.

– Это я беру на себя.

Сказано – сделано. Айрин отвела Рори в бутики «Фред Сигал» и «Том Форд», чтобы его приодеть. Безвозмездно. Для интервью – вещи непринужденного стиля, для премьерных мероприятий – смокинги. В «Т. Энтони» были приобретены – с солидной скидкой, которую потом компенсировала магазину киностудия, – правильные чемоданы и кейсы, позволявшие упаковать всю одежду по первому сигналу. Рори предстояло фотографироваться вместе с одной из красивейших женщин мира, и он должен был соответствовать. Ему предстояло сотни раз отвечать на одни и те же вопросы, и Айрин заставила его вызубрить все шпаргалки, предоставленные студией:

– «„КР-три: СНП“ – в высшей степени увлекательный и интеллектуальный фильм, дополняющий вселенную Кассандры Рэмпарт – женщины, которая затмила героинь нашего времени и уже вошла в историю». Сделай одолжение: когда речь будет заходить о Кассандре, добавляй: «Это женщина на все времена».

Айрин довела до совершенства свое умение сдерживать смех, когда ее подопечным случалось отмочить нечто феноменально глупое или наивное, – в случае с Рори это было его убеждение, что самое первое турне по Европе достанется ему даром.

– Деточка, – сказала ему Айрин, – задницу рвать будешь всю дорогу.

Промотур начинался в Лос-Анджелесе: три дня вместили в себя интервью, фотосессии, видеоконференции, телемосты, форумы для групп поддержки, а также максимальное количество ток-шоу, каждому из которых предшествовала часовая репетиция с продюсерами соответствующего канала. Айрин держала под контролем одежду, причёску и макияж Рори, а также вбивала ему в башку, чего нельзя делать ни при каких условиях. Программа предусматривала и поездку в Сан-Диего на конгресс артистов эстрадных жанров. Потребовался целый штат телохранителей, чтобы отеснять от Уиллы Сакс фанатов, многие из которых подражали внешнему виду бывшего агента спецслужб – Кассандры, девушки со сверхпрочными, укрепленными особым питанием сухожилиями, со вживленными в мозг чипами и способностью общаться на уровне подсознания с «Семеркой» живущих среди нас инопланетян – в чем-то добрых, а в чем-то злых, кому... и т. д. и т. п., короче, сами понимаете. Артисты эстрадных жанров во множестве явились в костюмах «Семерки». И никто не переоделся в Калеба Джексона, «профессионального серфингиста / гения софты», потому что никто еще не видел фильма. Восторженные фанаты переснимали с экрана двадцатиминутный трейлер, который потом, считай, стал темой дня в «Твиттере» и в *PopIt!*

Через двое суток, в Чикаго, трейлер крутили в кампусе университета «Норт-Уэстерн», альма-матер самой Уиллы Сакс. Общежитие, где она провела студенческие годы, переименовали в ее честь. Айрин сопровождала Рори в течение двух дней, не отходя от него на многочисленных интервью, на параде, на благотворительном волейбольном матче, на вбрасывании шайбы в матче «Блэкхокс» и на просмотре документальной ленты о борьбе с неграмотностью в странах Африки, который проходил в том же кинотеатре, где был в свое время застрелен гангстер Джон Диллинджер.

Четыре дня промотура отвели на Нью-Йорк; в отеле «Уолдорф-Астория» состоялась пресс-конференция для представителей 152 СМИ. Рори вопросов не задавали, пока выступала Уилла, которая в течение 30 минут рассказывала главным образом о тех задачах, которые ставит перед создателями фильма использование новых способов компьютерной обработки и новой системы спецэффектов под названием DIGI-MAX. Как-никак Уилла выступила продюсером этой ленты, приобретя в 2007 году по льготной схеме права на издание графического романа о Кассандре Рэмпарт всего лишь за десять тысяч долларов.

Смеясь, Уилла отмахивалась от вопросов насчет талантов ее мужа, как в области инвестиций, так и – предположительно – в области спальни.

– Ребята! – протестовала Уилла. – Бобби – банкир.

Бобби – так звали ее мужа, и стоил он 1,2 миллиарда долларов. Уилла сказала прессе, что на самом-то деле он – обычный парень, который без напоминания даже мусор не вынесет.

Тут вопросы переключились на Рори.

– Какие у вас были ощущения от поцелуя с самой красивой женщиной в мире?

– Это поцелуй на все времена, – ответил он.

Айрин улыбнулась: она поработала на совесть. В переполненном зале повисла тишина, нарушаемая только щелканьем фотозатворов. По истечении отведенного времени Уиллу мгновенно эскортировали из зала, хотя ей вслед неслись новые вопросы. Айрин привела Рори в малый зал со множеством круглых столов, и за каждым теснились журналисты с микрофонами. У каждого стола Рори провел 20 минут, без передышки отвечая на различные версии одних и тех же трех вопросов:

Как вам работалось с Уиллой Сакс?

Какие у вас были ощущения от поцелуя с Уиллой Сакс?

Это правда, что в сцене урагана показан именно ваш зад?

Айрин отвела Рори в Медиацентр на восьмом этаже, где он дал в общей сложности 57 телеинтервью, не более шести минут каждое, и все – в одном и том же помещении, причем Рори сидел в одном и том же кресле на фоне афиши фильма. С афиши смотрела в пространство Уилла с выражением беспощадной сосредоточенности на своем прекрасном лице. Торс ее был обтянут джемпером, разорванным на одном плече; из прорехи виднелось голое плечо и верхнее полушарие левой груди. У нее за спиной пестрела мозаика из кадров фильма: взрыв, темные фигуры, бегущие по тоннелю, мощная волна с белым гребнем – и Рори за компьютером, в наушниках, чертовски серьезный. «Уилла Сакс возвращается в роли Кассандры Рэмпарт», – объявляли аршинные буквы. Имя Рори, втиснутое в блок финальных титров, размещенный в нижней части постера, было набрано таким же шрифтом, как имя монтажера. Айрин бесперебойно снабжала Рори зеленым чаем, протеиновыми батончиками и розетками с черникой.

Всю неделю фильм рекламировали в программе Си-би-эс «Морнинг шоу». Каждое утро в 7:40 и 8:10 Рори озвучивал центральный прогноз погоды на фоне зеленой экранной карты. Уилла Сакс выступила приглашенной ведущей ток-шоу «В прямом эфире с Келли». Вдвоем с Келли Рипой они демонстрировали пилатес.

Премьеру фильма планировалось организовать на одном из гудзонских причалов: там соорудили подобие открытого кинотеатра на 5000 мест, но синоптики предсказали грозу, и эти планы накрылись медным тазом. Взамен для одновременного кинопоказа были арендованы все городские экраны наружной рекламы. Рори с Айрин доставили на внедорожнике к каждому из 29 экранов. Уилла Сакс появилась только на закрытом просмотре в Музее естественной истории, где проходил сбор средств для программ поддержки молодых ученых.

После девятидневного промотура по стране Рори выдохся, начал заговариваться и страдать головокружениями; он, по сути, видел только автомобили, залы и объективы камер. Но что самое невыносимое – в ходе четырехсот с лишним интервью ему задавали одни те же вопросы:

Как вам работалось с Уиллой Сакс?

Какие у вас были ощущения от поцелуя с Уиллой Сакс?

Это правда, что в сцене урагана показан именно ваш зад?

Рори уже стало казаться, что работать с Уиллой Сакс – это как откусывать бутерброд с арахисовым маслом, гоняя на мотоцикле; целоваться с Уиллой Сакс – это как праздновать Рождество в июле, а свою задницу в сцене урагана показывал жеребец по кличке Спесивый.

– Добро пожаловать на новую высоту, детка, – сказала Айрин. – Завтра – Рим.

Уилла Сакс улетела в Италию чартерным рейсом, вместе со своей командой, охраной и службой сопровождения. Пятеро других продюсеров, все руководство и начальники отдела маркетинга сели в самолет, принадлежащий киностудии. Айрин и Рори, которым не хватило мест, летели бизнес-классом на самолете компании «Эр-Европа» с пересадкой во Франкфурте.

Три дня общения с прессой в Риме были такими же напряженными, как в Штатах. Трейлер показали в последний вечер на открытом воздухе, у «Цирко максимо», где в античную эпоху проходили состязания колесниц. Рори это место виделось просто большим полем. Сцены из фильма проецировались на огромный импровизированный экран, но, конечно, только после того, как закончилась церемония награждения местной футбольной команды, победившей в каком-то чемпионате. Собралось около 21 000 человек. Когда Рори поднялся на трибуну, чтобы помахать толпе, никакой реакции не последовало. Когда то же самое сделала Уилла, в толпе вспыхнули потасовки: чтобы оказаться поближе к ней, волна болельщиков в футболках любимой команды снесла заграждения. Итальянские карабинеры врукопашную схватились с римскими бузотерами, а Уиллу срочным порядком усадили в бронированный автомобиль и отправили в аэропорт. Утром Рори с Айрин коммерческим рейсом «Эр-Флюгплатц» вылетели в Берлин, где их ждали следующие три дня промотура.

В Берлине Рори, не опомнившийся от смены часовых поясов, проснулся, кипя энергией, и в три часа ночи отправился на пробежку. На выходе из отеля в его сторону даже не посмотрели десятки преданных немецких фанатов Кассандры Рэмпарт, которые всю ночь переминались с ноги на ногу и не собирались расходиться, не увидев свою богиню. Рори пробежался по темным аллеям Тиргартена и сделал отжимания на ступенях памятника Советской армии, сокрушившей Берлин в 1945-м. К полудню он так устал, что двигался как лунатик. Да и разговаривал примерно так же, когда, выступая перед редколлегией крупнейшей газеты «Бильд», отрекомендовал себя большим киноманом и звездным партнером Уиллы Секс (он действительно сказал «Секс» вместо «Сакс») и заявил, что считает фильм «Сандра Каспарт» самым завлекательным и интеллектуальным, что Уилла Секс затмила собой героин на все времена и как женщина попала в историю.

Далее последовали вопросы:

Как вам работалось с Уиллой Сакс?

Какие у вас были ощущения от поцелуя с Уиллой Сакс?

Это правда, что в сцене урагана показан именно ваш зад?

– Постарайся больше не называть ее «Уилла Секс», – указала ему Айрин в машине на обратном пути в отель.

– Когда это я так ее называл? – удивился Рори.

– Только что. Перед полным составом редколлегии крупнейшей ежедневной немецкой газеты.

– Извиняюсь, – сказал он. – Я уже сам не знаю, что говорю.

Ближе к ночи состоялся показ трейлера: его проецировали на Бранденбургские ворота в присутствии 5000 фанатов. Когда Уилла вышла на балкон, чтобы помахать собравшимся, ее обескуражила вялость толпы, где не вспыхнуло ни одной потасовки.

– Полагаю, в этот вечер я отнюдь не Уилла Секс, – сказала она во время заключительного ужина, организованного в том музее, где выставлен бюст Нефертити.

К моменту прибытия Рори и Айрин в Лондон рейсом «Компью-эр» (с приземлением в аэропорту Гатвик) международный промотур превратил Рори в косноязычного клоуна.

ДЕНЬ 2-й

7:30 – Прическа и макияж в номере.

8:00 – Трансфер автомобилем до Gare De L'Est.

8:10–9:00 – Интервью на Красной ковровой дорожке перед посадкой в экспресс «Кассандра».

9:05–13:00 – Поездка в Экс-ан-Прованс по железной дороге. В пути 15-минутные интервью в специально оборудованном вагоне для прессы. Список участников имеется.

13:00–14:00 – Интервью на Красной ковровой дорожке перед греко-римским амфитеатром.

14:30–16:00 – Греко-римский амфитеатр. Воспроизведение сцены урагана для СМИ. (Примечание: прямая трансляция по RAI-Due TV.)

16:30 – Общий сбор в экспрессе «Кассандра».

Прямая трансляция программы «Миди & Мадри» из панорамного вагона.

17:15–21:45 – Возвращение в Париж экспрессом «Кассандра». В пути 15-минутные интервью для нефранкофонных СМИ в специально оборудованном вагоне для прессы. Список участников имеется.

22:00 – Трансфер автомобилем в отель «Морис» на коктейль/ужин, организованный Facebook (Франция).

После ужина можно либо задержаться, либо вернуться в отель.

Айрин получит предварительный АЗИАТСКИЙ ГРАФИК перед прибытием в Сингапур/Токио.

С этой работенкой ему просто подфартило, как в лотерею. Рори полгода трудился в Лос-Анджелесе манекенщиком/статистом/барменом, хотя получил две необходимые отметки в членском билете Гильдии профессиональных актеров. После этого он засветился в рекламе йогурта, где от него требовалось играть в тачбол на пляже в Сан-Диего. Три облачных дня кряду носился по песку без рубашки (Рори классно выглядел с голым торсом) в многонациональной компании «приятелей», а потом они дружно подкреплялись йогуртом. Их проинструктировали, как опускать ложечки в мини-контейнеры и как отправлять йогурт в рот. Здесь были свои хитрости.

Через два месяца он получил эпизодическую роль в римейке сериала «Коджак»^[23] на Би-би-си. Рори изображал покрытого татуировками бритоголового наркодилера, который выдавал себя за инвалида войны в Ираке и, естественно, был обречен погибнуть. Свою кончину Рори встретил красиво, с голым торсом (конечно же): его утянула вниз с крыши небоскреба моторизованная инвалидная коляска, добытая несправедным путем, а новый Коджак вовремя успел отскочить в сторону.

В Южной Калифорнии, где у него только и было дел, что выплачивать кредит за автомобиль да качать мышцы в спортзале, Рори совсем заскучал и, взяв с собой гонорары за йогурт и «Коджака», махнул в Юту кататься на лыжах. Когда обновленный «Коджак» вышел на телеэкраны, один из продюсеров «Кассандры» случайно оказался у телевизора и тут же отправил эсэмэску Уилле Сакс: «Кажется, увидел очередной батончик для КР». Через пару дней Рори позвонили из актерского агентства и попросили вернуться в город, поскольку там готовилось, назревало, затевалось нечто грандиозное.

Знакомство Рори с Уиллой Сакс – умопомрачительно, нереально прекрасной – состоялось за чашкой зеленого чая в голливудском офисе Уиллы на Вайн-стрит, в здании фирмы

звукозаписи «Кэпитол рекордз». Жила она в особняке среди окрестных холмов со своим мужем, венчурным капиталистом. Лучась обаянием, она заговорила с Рори о живописи, потом о коневодстве. Ни в одной, ни в другой области Рори не блистал обширными познаниями. Тогда Уилла переменила тему и заговорила об островах Фиджи, куда летала для оценки перспектив натуральных съемок. Она рассказала Рори о красоте ночного неба, о прозрачности вод и о счастливых лицах туземцев, особенно во время традиционной церемонии распития кавы в честь приезда гостей. Уилла обучилась серфингу именно на островах Фиджи. Съемки там планировалось вести недели две, не меньше.

Встреча продолжалась чуть более часа, но не успел Рори вырулить на голливудский фривей и застрять в пробке, как его телефон взорвался сообщениями: «УСаКС от тебя без ума!\$\$\$\$». А еще через две недели он был официально утвержден на роль Калеба с запретельной ставкой – почти полмиллиона долларов за съемочный день, с условием распротранения ее в общей сложности на три фильма, входящие или не входящие во вселенную Кассандры Рэмпарт. Следующая встреча с Уиллой состоялась уже на киностудии, где были назначены пробы. Ассистент режиссера подвел Рори к ее вагончику. Когда Рори в плотно облегающем гидрожилете Калеба Джексона поднялся по ступенькам, Уилла смерила взглядом своего безымянного, но шикарного партнера и сказала:

– Да ты клевый чувак!

Из-за необходимости доработки сценария запуск фильма отодвинулся на несколько месяцев, а затем был отложен до нового года, чтобы Уилла могла провести рождественские праздники с мужем; Рождество они встречали в каком-то шотландском замке. Для Рори, утвержденного на роль Калеба Джексона, первый съемочный день пришелся на конец марта и начался в будапештском павильоне звукозаписи. Уилла отработала уже три недели, у нее была собственная гримерная в отдельном вагончике, так что партнеры по фильму пересекались только на съемочной площадке. По сценарию им предстояло заниматься любовью в душе, но от едва теплой воды не было никакого пара, и венгры, ответственные за спецэффекты, наладили задымитель. Уилла появилась на площадке в купальном халате; трое телохранителей мгновенно заняли позицию у ее кресла. Она поинтересовалась у Рори, устраивает ли его гостиница, а потом предупредила, что теперь, будучи замужней женщиной, никогда не размыкает губы при поцелуях.

На протяжении семи месяцев Рори был занят лишь пару дней в неделю – в Будапеште, на Майорке, опять в Будапеште, в марокканской пустыне, а затем в Рио-де-Жанейро, где снимался эпизод, в котором Уилла и Рори бежали по запруженным карнавальнотолпой улицам, – эпизод готовился четыре дня и был снят за шестнадцать минут. Потом Рори, уже один, неделю снимался в Шривпорте, штат Луизиана, пока Уилла, взяв отпуск, отдыхала с мужем на Сейшелах. Встретились они на один день, для досъемки фрагментов карнавального пробега, но уже в Новом Орлеане. Поскольку финансирование съемок частично шло из Германии, налоговое законодательство вынудило создателей фильма перенести съемки одной сцены в Дюссельдорф. Там от Рори с Уиллой требовалось выскочить из какого-то здания и прыгнуть в такси; этим съемки в Дюссельдорфе и ограничились. Через 10 дней пересъемок в Будапеште им оставались только сцены серфинга. С островами Фиджи что-то не срослось. Вместо этого Рори и Уилла снимались на фоне зеленого задника у открытого бассейна на Мальте и раскатывали на досках с универсальными шарнирами, пока рабочие поливали их ледяной водой из бачков.

ДЕНЬ 3-й

7:30 – Прическа и макияж в номере.

8:00–9:00 – Ресторан отеля. Завтрак с победителями конкурса.

(Примечание: Элинор Флинтстоун присоединится к нам на кофе в 8:50.)

9:05–12:55 – Телеинтервью для ведущих каналов.
(Продолжительность каждого 12 мин.)

13:00 – Обед в номере. Заказ по меню обслуживания номеров.

13:20 – Коррекция визажа.

13:25–16:25 – Продолжение основных телеинтервью.

ПЕРЕРЫВ

16:30–16:55. ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ «Le Showcase».

(Ведущая – Рене Ладу, культовая фигура французской кинокритики.)

17:00–17:30 – Телеинтервью с «Petit Shoopi».

(Petit Shoopi – это кукла-марионетка, которая попросит тебя спеть с ней дуэтом. Песня в данный момент обсуждается.)

17:35–18:25 – В парадном зале совместное с Элинор Флинтстоун телеинтервью с Клэр Брюль для FTV 1 (это самое популярное женское шоу во Франции).

18:30–19:00 – Фотосессия с Элинор Флинтстоун для «Le Фигаро».

19:05–19:55 – Фотосессия для Организации по защите животных, оставшихся без попечения.

(Примечание: будут задействованы кошки, собаки, птицы и рептилии.)

20:00 – Трансфер с кортежем на следующее мероприятие.

20:30 – Прибытие в сад Тюильри.

20:30–21:00 – Общение с прессой на Красной ковровой дорожке, фотосессия.

21:05–22:00 – Концерт популярного французского певца (кандидатура уточняется).

22:05–22:30 – Спонтанные реплики в толпу.

(Важно: ты будешь представлять Элинор Флинтстоун. Рекомендованные реплики получишь у Айрин.)

22:35–22:45 – Фейерверки.

22:50–23:00 – Парашютирование Кассандры/Калеба в кратер вулкана в исполнении французских десантников.

23:05 – Пролет французских ВВС.

23:10–23:30 – Открытие голографического рекламного щита «КР-3: СНП». (Важно: выдача толпе голографических очков – по прибытии.)

23:35–0:15 – Выступление французской поп-звезды (кандидатура уточняется). Отъезд Элинор Флинтстоун в аэропорт. Освобождение помоста.

0:20 (примерно) – Начало просмотра.

Ты можешь либо остаться на просмотр, либо вернуться в отель.

ВАЖНО: ЗАВТРА – ПЕРЕЛЕТ В СИНГАПУР

Во Франции телефоны не звонят. Они блеют: «Бе-е-е, бе-е-е. Бе-е-е, бе-е-е. Бе-е-е, бе-е-е». В 6:22 этот звук создает полный эффект присутствия сельскохозяйственного животного у тебя в номере. Рори не мог отмахнуться от этого звука:

– Да?

Поднесенная к уху трубка была миниатюрной, как игрушка.

– Планы изменились, детка, – сказала по телефону Айрин. – Можешь еще поваляться.

– Что-что? – Рори пребывал в сумеречном состоянии: он только пять часов назад вышел из гостиничного бара «Морис», которому воздал должное.

– На сегодня график еще не утрясли, – объяснила Айрин. – Так что спи.

– Ну-ну. – Рори повесил трубку, повернулся на другой бок и вырубился, как боксер от удара в слабую челюсть.

Проснулся он через три часа и, пошатываясь, вышел в гостиную своего номера, который некогда был достаточно хорош для нацистов, а теперь на славу послужил единственному сыну миссис Торп. График дня номер три в Париже лежал на служебном столике рядом с меню обслуживания в номерах и медиапакетом фильма «КАССАНДРА РЭМПАРТ – 3: Страх на пороге». С 9:46 Рори предстояло давать телеинтервью, по 12 минут каждое, но почему-то никто из провожатых, включая Айрин, за ним не зашел. На завтра у него был запланирован полет в Сингапур бизнес-классом «Индо-Эр-Уэйз», поэтому он заказал себе в номер несколько чашек кофе с молоком и корзину булочек.

В гостиничных номерах Рори проводил очень мало времени: по вечерам он сразу проваливался в сон, а утром сидел перед зеркалом, пока его приводили в надлежащий вид. Этим всегда занимались две девушки: одна отвечала за прическу, другая – за макияж; в номер их каждое утро приводила Айрин, пока Рори принимал душ. Сейчас посторонних рядом не было, и Рори, сидя в трусах и в майке за кофе с горячим молоком, впервые смог оглядеться.

Отель, недавно модернизированный, был отделан в хипстерско-техногенном стиле нулевых, что само по себе стало бы шоком для нацистских оккупантов из далекого прошлого. Черная панель оказалась телевизором. Пульт от него, длинный, тонкий и увесистый, не смог бы освоить ни один американец. Все источники света были с сенсорным управлением, которое нащупывалось неизвестно где. На квадратном кофейном столике выстроились в одну шеренгу четыре бутылки апельсинового напитка, соседствуя, по иронии судьбы, с четырьмя фарфоровыми апельсинами. Стереосистема представляла собой проигрыватель в стиле ретро с коллекцией долгоиграющих пластинок французского Элвиса – Джонни Холлидея, причем одна пластинка относилась к пятидесятым годам. На книжных полках книжек не было, но стояли три антикварные пишущие машинки: одна с русской клавиатурой, вторая с французской и третья с английской.

Бе-е-е, бе-е-е. Бе-е-е, бе-е-е. Бе-е-е, бе-е-е.

– Я уже не сплю!

– Ты сидишь, детка?

– Секундочку.

Рори вылил в последнюю порцию кофе остатки горячего молока и, придерживая на колене чашку с блюдцем, откинулся назад в мягком кожаном кресле.

– Сижу, причем развалясь.

– Пресс-тур отменен.

Айрин была рекламщицей старой закалки. «Промотуром», в ее понимании, назывались действия корпораций, направленные на сбыт кинопродукции, а термин «пресс-тур» означал мероприятия, проводимые кинозвездами для раскрутки своих фильмов.

Поперхнувшись, Рори облил горячим кофе свои голые ноги и кожаное кресло.

– А? Что? – только и сказал он.

– Пошарься в интернете – узнаешь причину.

– У меня даже руки не дошли взять пароль от вай-фая.

– Уилла разводится со своим стервятником, венчурным капиталистом.

– Из-за чего?

– Ему дали срок.

– Он смошенничал и не угодил федералам?

– Да не федералам. Проституткам. На бульваре Санта-Моника, в собственном автомобиле. И похоже, при нем была не только медицинская доза марихуаны.

– Жесть... бедняжка Уилла.

– Уилла внакладе не останется. Ты лучше студию пожалей. «Кассандра Рэмпарт – три: Трах на дороге» не дойдет до проката.

– Могу я хотя бы позвонить Уилле и выразить сочувствие?

– Попробуй, но она со своей командой сейчас в самолете, где-нибудь над Гренландией. Пересидит пару недель у себя на коневодческом ранчо в Канзасе.

– У нее ранчо в Канзасе?

– Она же выросла в Салине.

– А как же эти пафосные мероприятия из прокламашки? На сегодня фейерверки назначены, и французские военные самолеты, и осиротевшие животные...

– Все отменяется.

– А когда мы летим в Сингапур, в Сеул, в Пекин?

– Никогда, – ответила Айрин без тени сожаления. – У прессы только один интерес: Уилла Сакс. Без обид, детка, но ты – лишь парень из ее фильма. Рори-Никто-Ничто. Помнишь плакат у меня в офисе: «А вдруг на пресс-конференцию никто не придет?» Ой, погоди. Ты же не бывал у меня в офисе.

– И что теперь?

– Я через час улетаю на студийном самолете. Меня не колышет этот цирк длиной в полсуток. Еще четыре дня – и фильм выйдет на экраны по всей стране: каждая рецензия в первых строках будет прохаживаться насчет проституток, оксиконтин и этого перца, который покупал интимные услуги, будучи законным мужем Уиллы Сакс. Вот тебе и сюжет нового фильма, «Кассандра Рэмпарт – четыре: На поруки в умелые руки».

– А как мне добираться домой?

– Аннетт все организует по внутренним каналам.

Что еще за Аннетт? В ходе промотура Рори знакомили с таким количеством народа, что имена и лица уже стали неразличимы, словно космические пришельцы.

Айрин еще пару раз обратилась к нему «детка», сказала, что он суперский парень, настоящий мачо и, по ее мнению, сделал бы фантастическую карьеру, если бы лента «КР-3: СНП» сумела отбить вложенные в нее деньги. На самом-то деле фильм ей даже нравится. Очень трогательный.

По-русски я ни бум-бум. Во французском слишком много букв и всяких значков – не разбери поймешь. Хорошо, что вот на этой – третьей – пишущей машинке буквы исключительно английские.

Я считаю, Уилла Сакс – она же Элинора Флинтстоун – классная девчонка и заслуживает лучшего. Уж всяко заслуживает она кого-нибудь попримечнее, чем этот крендель, который ходит по проституткам и сидит на «крокодиле»^[24]. (Кого-нибудь вроде меня? Ни в одном из сотен интервью я не признался, что давно и основательно запал на эту девушку. Айрин советовала поменьше откровенничать с прессой. «Говори правду, только в разумных пределах, но никогда не лги».)

На кармане денег немерено. Суточные мои. В каждом городе Айрин вручала мне конверт с наличкой! А я, между прочим, ни цента потратить не успел. Что в Риме, что в Берлине. В Лондоне вообще не продохнуть было. Может, хотя бы сейчас, в Париже, смогу разведать, какие удовольствия доступны тут за пару евро...

ПОЗЖЕ!

Впервые после Берлина вышел из отеля один.

Ха, Париж вполне себе неплох! Я-то думал, на улице будет копытиться привычная толпа фанатов, жаждущих поглазеть на Уиллу. Как правило, их

сотни, в основном, ясное дело, мужики: папарацци, охотники за автографами и т. п. Бумажная братия, как окрестила их Уилла. Однако сейчас тут ни души: видно, пронесся слух, что Уилла Сакс покинула Город Света^[25].

Аннетт Ле-Буги-Дуги говорит, что из-за отмены промотура я вовсе не обязан пулей лететь домой. При желании могу еще поболтаться по Парижу, а то и по всей Европе, только уже за свои кровные.

Я и в самом деле чуток побродил по городу. Перешел по знаменитому мосту на другой берег, прогулялся мимо Нотр-Дама. Едва уворачивался от скутеров, велосипедов и туристов. Видел стеклянную пирамиду Лувра, но внутрь заходить не стал. Ни одна собака меня не узнала. Да и с чего бы? Рори-Никто-Ничто – мое второе имя.

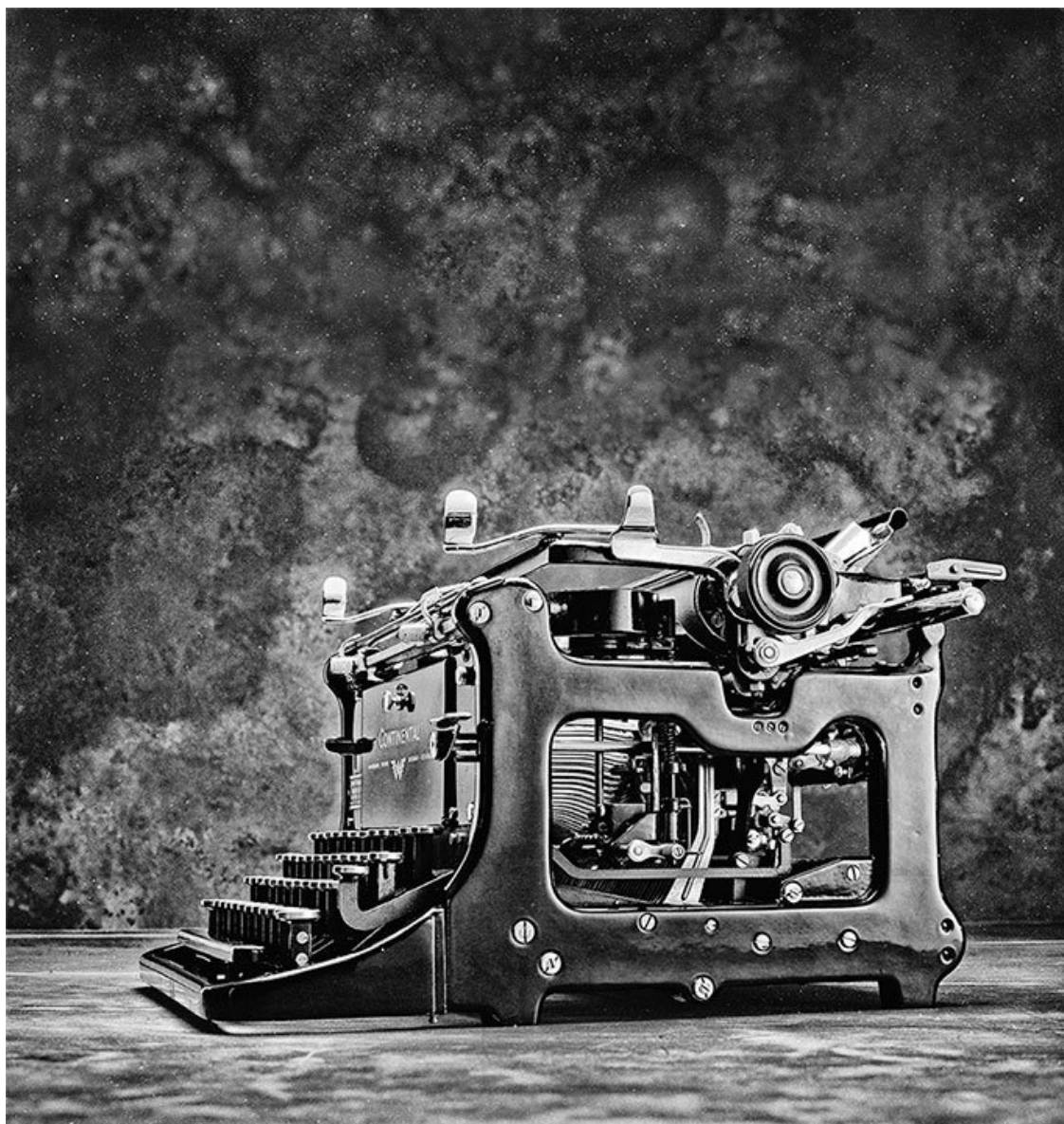
Прошелся по парку, где у нас планировалась грандиозная тусовка: рок-группы, фейерверки, реактивные самолеты, тысячи людей в бесплатных 3D-очках. Но на месте застал только рабочих, которые демонтировали сцену с экраном. Ограждения еще стояли, но больше для видимости. К сцене никто не ломился.

За парком есть большая круговая развязка, называется «Площадь Согласия»: в центре торчит памятник-шило, а вокруг в несколько рядов без остановки мчатся в обоих направлениях миллионы автомобилей и мотороллеров, так и носятся кругами. С 1999 года невдалеке крутится огромное колесо обозрения. Больше, чем в Будапеште... когда ж это было? Когда я там снимался? Еще школяром, что ли? Парижское «чертово колесо» размерами близко не стоит к лондонскому, но лондонское крутится еле-еле, один оборот – и слезай. Перед той машиной мы пресс-конференцию проводили, причем с размахом: пригласили детский хор, Шотландский кавалерийский полк и какого-то представителя королевской династии. Когда ж это было? А, точно. На той неделе, во вторник.

Купив билет, я почти сразу попал на колесо обозрения. Практически без очереди, так что кабинка оказалась полностью в моем распоряжении.

Сделал кругов этак несколько. Из верхней точки город – как на ладони, аж до горизонта, река петляет то к северу, то к югу, под знаменитыми мостами скользят эффектно украшенные длинные пароходы. Распознал так называемый Левый берег. И Эйфелеву башню. И соборы на холмах. И широкие бульвары, где музей на музее. И остальной Париж.

Весь Город Света раскинулся у моих ног.

Сегодня в нашем городе с Хэнком Файзетом

СЛОН В ПЕЧАТНОЙ ЛАВКЕ

Редакция «полница» слухами! Слон в Печатной Лавке прямо говорит: в «Три-Сити^[26] дейли ньюс/геральд» вот-вот откажутся от экономически сугубо призрачной бумажной версии нашей Великой Трех-Мегаполисной Газеты. Если/когда и вправду будет сделан такой деловой ход, вы сможете читать мою колонку и все прочее *только* на каком-нибудь из своих многочисленных гаджетов – на телефоне, к примеру, или на новомодных часах, которые каждую ночь требуется ставить на подзарядку.

* * *

Вот к чему ведет прогресс, но как тут не вспомнить Эла Симмондса, редактора замшелого агентства Ассошиэйтед Пресс. Я прослужил в АП без малого четыре года, но мне в момент указали бы на дверь, кабы не Эл Симмондс, который брал из моего репортерского блокнота неуклюжую писанину с рублеными, школярскими предложениями и превращал ее в добротный новостной материал. Эл, упокой Господи его душу, давно покинул сей мир, не застав эру чтения газет на ноутбуках и планшетах. При его жизни сама идея казалась чем-то из области фантастики, как космический корабль «Энтерпрайз»^[27]. Сдается мне, у Эла даже телевизора не было, поскольку старик вечно сетовал, что с уходом из эфира Фреда Аллена хороших передач на радио не стало (эта история будто радиоактивным углеродом датирует мой возраст!)...

* * *

Зато у Эла была пишущая машинка «Континенталь» (зверюга размером с кресло), привинченная к письменному столу на дверных петлях, хотя никто на нее не покушался. Только идиот решился бы не то что умыкнуть – даже *приподнять* эту громадину. Рабочий стол Эла, компактный, узкий, был алтарем редакции. На него ложились мои тексты, а вместо них отстукивались более лаконичные, яркие и, что греха таить, более качественные варианты, после чего Эл откидывал пишущую машинку назад, чтобы на расчищенном месте, вооружившись синим карандашом, атаковать плоды уже своего собственного труда. Обычно под его пальцами машинка издавала несусветные звуки: «чока-чок» – стучали клавиши, «дзынь» – тренькал звоночек, «тррра» – заявлял о себе возврат каретки, «вжжух» – извлекалась отпечатанная страница, и наконец «кря-бум» – массивное орудие труда ставилось на попа, чтобы Эл с неизменным карандашом в руке мог перейти к совсем уж примитивному способу письма, – и так сто раз на дню. Он ссорся со своей машинкой и никогда не удалялся от нее и от своего стола более чем на метр. Частенько Эл гонял меня за кофе с бутербродами, но я, вернувшись, убеждался, что он садирует какой-то материал; приходилось оставлять еду на ближайшем табурете, где она дожидалась, пока Эл откинет свой «Континенталь» и расчистит пятачок на столе. Если с моих слов Эл Симмондс предстает как стереотипно-карикатурный кабинетный писака, это соответствует истине, с одной лишь оговоркой: он не курил и на дух не выносил курильщиков, работавших в АП.

* * *

В наши дни знак «ТИШИНА! РАБОТАЮТ РЕПОРТЕРЫ» выглядел бы анахронизмом в редакции «Дейли ньюс/геральд». С восьмидесятых годов мы полностью перешли на компьютеры, хотя поначалу они назывались текстовыми процессорами – так же мы прозвали и самих себя. Вообще говоря, Эл Симмондс не смог бы взять в толк, как это за последние пять

лет мы приноровились читать газеты в небывалых количествах, склоняясь над волшебными устройствами величиной с ладонь. Не смог бы он понять и другое: как печатаются газеты в течение последних трех десятилетий. «Где грохот и ярость газеты, идущей в печать?» – кричал он. На меня, естественно.

* * *

В память Эла хочу провести эксперимент: если вы читаете это на вашем телефоне, наберу-ка я часть текста на своем. Сперва – мой поток сознания, мною же отредактированный и откорректированный...

* * *

«Мне будет не хватать осязаемых, бумажных газет, тех, что семь дней в неделю швыряет мне на лужайку из окна автомобиля, почти не притормаживая, почтальон по имени Карл, а также другой газеты, которую пару раз в неделю читаю в кафе „Перл-авеню“ (на Перл-авеню). Мне будет не хватать ликования от материала, помещенного на первой полосе, и стыда от материала, задвинутого на страницу Бб. Не скрою, меня греет, когда я вижу свое фото и подпись – свою колонку – на последней полосе ее легко найти, а известно ли вам, что колонка читается от начала до конца за то же время, что варится яйцо всмятку? Если/когда „Три-Сити дейли ньюс/геральд“ перейдет целиком в электронный формат/откажется от печати, ваш корреспондент будет долго оплакивать/переваривать явление, именуемое реальностью. А Симмондс в своем редакторском раю будет недоуменно чесать в затылке, навсегда откинув свою машинку...» Так, теперь другая версия, набитая на моем телефоне без отключения режима автозамены.

* * *

Мне будет не хватать осязаемых, бумажных газет, тех, что СЕ дней в небе швыряет мне на лужайку из окна автомобиля почти не притон моя талон по имени Карл, а также пожру на зете Котор пару раз в небе Чита ж Каф не АВ (на ее АВ). Мне будет не хватать Ликока от материк, попе щеки на первоцветом, ее полосе, и стыда от сатериада, задатгугото на страриук бб. Не серо меня грек кто я в да свое ФО и моде Св. Колон на последней полоска ее легковушек, а пизанская дивам, что кошка смотается о. Начала до клинцыза. Ожесточенно варится яйцо всмятку? Если/когда три см идти дейли ньюсмейкер/геральдик целиком перейдет в электронный флот/откроется отпечатки, ваш Корре спондеет будет долго оплакивать/переваливая явление неминуемое реально. Б. А Си морда в своем редакторском раб будет нежоумегно чп в затылке, нас откинув. Вою аги нуу...

* * *

Всё, бегу сдавать материал в набор...

Добро пожаловать на Марс

Керк Уллен все еще спал у себя в каморке, закутавшись в стеганое одеяло и укрывшись сверху еще и старым шерстяным, армейским. Как повелось с 2003 года, когда ему исполнилось пять лет, свою спальню, устроенную в заднем чулане родительского дома, он делил со стиральной машиной и сушилкой фирмы «Мэйтаг», с ободраным, расстроенным древним спинетом, с ненужной швейной машинкой (мать не садилась за шитье со времен второго президентского срока Буша-старшего), а также с электрической пишущей машинкой «Оливетти-Ундервуд», которую признали неоперабельной после того, как Керк ненароком залил ей в нутро шипучий коктейль. Каморка не отапливалась и вечно дышала холодом, даже в это раннее утро на исходе июня. Глаза у Керка аж закатились в затылок: ему снилось, будто он, еще школяром, не может открыть кодовый замок своего шкафчика в раздевалке спортзала. В седьмой раз он поворачивал замок на один шаг вправо, затем на два влево и опять на один вправо, как вдруг белая вспышка молнии залила раздевалку ослепительным светом. Вслед за этим, так же внезапно, его мирок полностью окутала тьма.

Вспышки не прекращались: все вокруг то загоралось белизной, то утопало в непроглядной мгле, снова и снова. Однако при всем при этом громовержец Тор почему-то не рокотал в своих гулких далеких ущельях.

– Керк? Керквуд?

Отец. Фрэнк Уллен резко щелкал выключателем верхнего света – именно такой ему виделась развеселая побудка.

– Ты же вчера не шутил, сын? – начал Фрэнк и запел: – «Керквуд, Керквуд, дай же мне свой ответ».

– По поводу? – прохрипел Керк.

– По поводу сборов на Марс. Откажешься от своих слов – я отвалю. Подтвердишь – и мы начнем твой день рождения так, как подобает бесстрашным и свободным мужам из рода Улленов.

Какой, к черту, Марс? В голове у Керка замерцало сознание, и он вспомнил. Сегодня ему девятнадцать. Вчера после ужина он спросил отца, смогут ли они завтра поутру заняться серфингом, как в тот день, когда ему стукнуло десять, и потом еще раз, на его тринадцатилетие.

– Не вопрос! – ответил отец.

Прогноз погоды обещал подходящие условия. На Марс-Бич с юго-запада надвигался свелл^[28].

Фрэнка Уллена несколько удивила просьба сына. Керк давненько не составлял ему компанию на воде. Превратившись из школяра в студента, этот Мистер Колледж больше не стремился бросать вызов стихиям. Фрэнк попытался вспомнить, когда они в последний раз вместе седлали волны. Два? Три года назад?

Вызвать в памяти распорядок сегодняшнего дня Керк сумел не сразу, потому как только-только высвободился из дымки снов. День рождения – не день рождения, но в десять утра, как штык, нужно приступать к работе: на лето Керк устроился администратором в гольф-клуб. Который час? Шесть пятнадцать? Ладно, пойдет. Насколько он знал, у отца оставался только один бизнес – новый мини-маркет на бульваре Блафф. Да, успеть вполне реально. Можно попрыгать на волнах пару часов с лишком. Ну или до тех пор, пока плечи не повыбивает.

Славно было бы вдвоем вернуться на воду: Непотопляемые Уллен и Сын, Властители Морей. На воде отец Керка был в родной стихии, по утрам его серф не высыхал. Проблемы в бизнесе, домашние склоки, абсолютно все рутинные заморочки, которые вспыхи-

вали непредсказуемо, как мелкие низовые пожары, – все оставалось на берегу. Керк горячо любил маму и сестер – не меньше, чем саму жизнь, – но давным-давно смирился с тем, что женская половина семьи подобна скрипучему колесу на ухабистой дороге. Отец, вожак прайда, исполнял две обязанности – кормильца и миротворца, причем без выходных. Неудивительно, что серфинг служил ему не только для поддержания физической формы, но и для ментально-астральной терапии. Для Керка этот выезд с отцом обещал стать объединяющим знаком доверия, чисто мужским сговором, именинным объятием с классическими похлопываниями по спине: мол, в курсе только мы двое, ты и я. Назовите хотя бы одну семью, где отцу и сыну не нужны такие моменты.

- Лады, – зевнул Керк, потягиваясь. – Я в деле.
- Хочешь в тепле понежиться – это законом не запрещено.
- Погнали.
- Точно?
- Похоже, теперь ты сам хочешь отмазаться?
- Ни в коем разе, дурила.
- Тогда я с тобой.
- Отлично. Завтрак – как для дальнобойщика. Готовность – двенадцать минут.

Фрэнк исчез, оставив за спиной включенный свет, от которого сын щурился, чтобы не ослепнуть.

Завтрак был – просто объединение, впрочем, как всегда. Утром на кухне никто не мог тягаться с Фрэнком. Его козырем был хронометраж. Польские колбаски подавались на стол прямо с плиты, разогретые булочки уже просили масла, старая кофеварка «Мистер Кофе» в нужный момент выдавала ровно восемь чашек утреннего напитка, яйца получались исключительно в мешочек – желтки лились золотом. А вот ужины отцу не удавались: как видно, ему претило сложа руки ждать, пока прожарится рулька или сварится картофель. Это было не в его характере. Фрэнк Уллен предпочитал стремительность: раз-два – и готово, подано, съедено; когда подрастали дети и семья жила по четкому распорядку, ежедневные завтраки превращались в аттракцион, а за столом велись жаркие (иногда слишком жаркие) беседы, насыщенные, как дозволяемое детям с третьего класса горячее отцовское какао с капелькой кофе. Теперь же мама спала допоздна и к завтраку не выходила, Крис уехала в Сан-Диего к своему бойфренду, а Дора объявила, что будет приходить и уходить, когда пожелает, и никто ей не указ. Поэтому сегодня за столом сидели только мужчины в мешковатых серферских толстовках, и притом немытые: какой смысл идти под душ, если все равно полезешь в воду?

– В восемь тридцать мне надо будет сделать несколько телефонных звонков. Рабочая хрень, – предупредил Фрэнк, бросая себе на тарелку пару булочек. – Много времени не займет. На часок – плюс-минус – оставлю тебя наедине с океаном.

– Надо – значит надо, – ответил Керк.

По привычке он сел за стол с книгой и уже погрузился в чтение. Фрэнк протянул руку и аккуратно забрал у сына читиво.

– «Архитектура тысяча девятьсот двадцатых годов»? – Он вопросительно поднял брови. – Это тебе зачем?

– Люблю нетривиальные мысли, – ответил Керк, подчищая белым мякишем жир от польских колбасок и яичный желток. – Век Джаза спровоцировал строительный бум, продлившийся вплоть до Великой депрессии. Послевоенные строительные технологии и новые материалы изменили архитектурный облик всех городов мира. По-моему, это интересный взгляд.

– Имеешь в виду те наружные опорные конструкции, из-за которых здание смахивает на свадебный торт: каждый следующий уровень меньше предыдущего. Вот скажи: ты поднимался когда-нибудь на верхние этажи Крайслер-билдинг^[29]?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...именно они первыми ступили на остров Мартас-Винъярд. – Мартас-Винъярд (англ. Martha's Vineyard, букв. виноградник Марты) – остров в 6 км от мыса Кейп-Код, на юго-востоке штата Массачусетс, мимо которого проплывали викинги и, по-видимому, все первые поселенцы Нового Света. Коренное население составляли индейцы-вампаноаги, которые впоследствии были согнаны со своих земель, и в XX в. остров стал излюбленным местом отдыха нью-йоркцев и бостонцев. Здесь также проводят лето семьи ряда президентов США и деятели кинематографа. В 1974 г. на острове проходили съемки сцен фильма Стивена Спилберга «Челюсти».

2.

...детская ручная тележка фирмы «Радио-флаер»... – Фирма Radio Flyer (осн. в 1917 г.) специализируется на выпуске детских товаров для активного отдыха – игрушечных лошадок, велосипедов, самокатов и др. Своеобразной визитной карточкой фирмы стала детская ручная тележка ярко-красного (как и все товары данной фирмы) цвета.

3.

...в промежутках между Pretenders, O'Jays и Тадж-Махалом... – The Pretenders – британская постпанк-группа, выступает с 1978 г. The O'Jays – вокальное ритм-энд-блюз-трио из штата Огайо, выступает с 1958 г. Тадж-Махал (Генри Сен-Клер Фредерикс, р. 1942) – выдающийся акустический блюзмен, использующий элементы карибской и полинезийской музыки.

4.

...Игги Поп запел «Real Wild Child». – Под названием «Real Wild Child» Игги Поп на своем альбоме «Blah Blah Blah» (1986) исполнил кавер-версию песни австралийца Джимми О'Кифа «Wild One» (1958).

5.

Я приготовил буррито со свининой. – Буррито (исп. burrito, букв. ослик) – мексиканское блюдо, состоящее из мягкой пшеничной лепешки (тортильи), в которую завертывается разнообразная начинка, к примеру рубленое мясо, фасоль, бобы, рис, помидоры, авокадо или сыр.

6.

...у нас был голый завтрак... – Аллюзия на скандальный роман «Голый завтрак» (1959; русский перевод – 1994) американского писателя Уильяма Берроуза (1914–1997).

7.

«Футлокер» (Foot Locker) – сеть магазинов спортивной одежды и обуви.

8.

«American Woman» («Американская женщина») – песня канадской группы The Guess Who с их альбома «American Woman» (1970).

9.

«American Girl» («Американская девушка») – песня Тома Петти с альбома «Tom Petty and the Heartbreakers» (1976).

10.

...как морские пехотинцы в песках Иводзимы. – Аллюзия на американский кинофильм «Пески Иводзимы» (1949), рассказывающий о важном для армии США эпизоде Второй мировой войны. В фильме снялись трое солдат из тех, кто 23 февраля 1945 г. поднимал американский флаг на горе Сурибати.

11.

Велнес (от англ. Wellness) – концепция здорового образа жизни, основанная на сочетании физического и психического здоровья, рационального питания, физических нагрузок и отказа от вредных привычек. Предложена в 1959 г. американским врачом Х. Данном.

12.

Подруга велела мне тащить сюда мои усталые, мои бедные, мои забытые икроножные мышцы... – Аллюзия на сонет нью-йоркской поэтессы Эммы Лазарус, написанный в 1883 г. и выгравированный на бронзовой доске в музее внутри постамента статуи Свободы: «Храните, древние страны, / Вашу легендарную пышность, / А мне отдайте ваших усталых, ваших бедных.../ А мне отдайте из глубин бездонных / Своих изгоев, люд забытый свой» (перев. Владимира Лазаруса).

13.

«Замерзшая планета» – четырехсерийный документальный фильм (2011) производства Великобритании, США, Испании, Германии, Греции и Канады. Режиссер Марк Смит.

14.

Пиньята – популярная мексиканская забава для детей и для взрослых: подвесная игрушка, которую предлагается сбить общими усилиями, чтобы добраться до спрятанных внутри конфет и мелких сувениров.

15.

«Кельвинатор» – холодильник производства одноименной компании, основанной в США в 1914 г. и названной в честь физика Уильяма Томсона, лорда Кельвина.

16.

«Радуйся, мир!» («Joy to the World») – евангельский гимн, созданный в 1719 г. Исааком Уоттсом.

17.

...куклу Ханни Уокер... – Кукла Ханни (Honey doll) выпускалась в США с 1949 по 1957 г., была сделана из твердого пластика и имела различные вариации, в 1952 г. была выпущена версия, которая умела ходить и поворачивать головой, она носила название Ханни Уокер (Honey Walker).

18.

Бинг Кросби (1903–1977) – американский певец и актер, исполнитель рождественских песен (его хит «White Christmas» занесен в Книгу рекордов Гиннесса).

19.

Бокаж (фр. bocage) – тип пейзажа: поля, окаймленные лесными полосами.

20.

Ирландская лотерея – одна из крупнейших международных лотерей, проводилась правительством Ирландии в 1930–1987 гг. в помощь ирландским больницам. Получила широкую популярность в США, несмотря на то что проданные там билеты ввозились и распространялись незаконно.

21.

Линия Зигфрида (также Западный вал, Западная стена) – система немецких долговременных укреплений, возведенных в 1936–1940 гг. на западе Германии. Протяженность около 630 км.

22.

Парад роз – крупнейший из парадов, проводимых в штате Калифорния, США. Парад, представляющий собой в том числе фестиваль цветов, проводится ежегодно 1 января, в нем принимает участие более миллиона человек, первый Парад роз был проведен 1 января 1890 г.

23.

...в римейке сериала «Коджак»... – «Коджак» (1973–1978) – американский детективный телесериал с Телли Саваласом в главной роли.

24.

«Крокодил» – дешевый заменитель героина, вызывающий более тяжелые последствия для здоровья.

25.

Город Света – популярное прозвище Парижа.

26.

Три-Сити – городская конгломерация в штате Мичиган, в которую входят города Бэй-Сити, Мидланд и Сагинау.

27.

«Энтерпрайз» – космический корабль из сериала «Стар-Трек» («Звездный путь»).

28.

Свелл (букв. волнение, зыбь) – группа волн примерно одного размера и одной мощности. Такие волны образуются далеко в океане при шторме с сильными ветрами и распространяются по направлению ветра. Свелл может пройти тысячи километров, прежде чем достигнет береговой линии, и за время пути приобретает гармоничную организованность, малые волны поглощаются большими, медленные – более быстрыми, – таким образом волны приходят к берегу с определенными промежутками времени слаженными сетями.

29.

Крайслер-билдинг (Chrysler Building) – небоскреб корпорации «Крайслер», построенный в 1930 г., один из символов Нью-Йорка. Здание высотой 320 м расположено в восточной части Манхэттена, на пересечении 42-й улицы и Лексингтон-авеню. На протяжении года считалось самым высоким в мире.